

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 63 (770)

15 ноября 1938 г., вторник

Цена 30 коп.

Шире круг детского чтения

Детизм является монопольным издательством литературы для наших ребят, составление его перспективного тематического плана—дело сугубо ответственное, требующее широкого размаха и очень вдумчивого подхода. Выпущенные им книги в сущности определяют круг чтения советских ребят в очередной год. Установить тематический подбор книг для этого чтения — дело огромной важности.

«Вопрос о темах детских книг это, разумеется, вопрос о линии социального воспитания детей. В нашей стране воспитывать значит — революционизировать...» — так писал А. М. Горький в своей известной статье «О темах».

Ни одна страна в мире не знает такого работящего, мудрого, государственного отношения к детской книге, какую повседневно проявляет советское правительство, коммунистическая партия, Ленинский комсомол.

Товарищ А. А. Андреев говорил на Первом совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ 19 января 1936 г.:

«Придавая большое значение детской литературе в вопросах воспитания и зная слабость постановки ее в нашей стране, товарищ Сталин поставил вопрос о передаче этого дела комсомолу, который, несомненно, его лучше организует».

Ленинский комсомол оправдал доверие партии, поручившей ему это ответственнейшее дело. Качество издания детских книг значительно повысилось за годы руководства комсомолом изданием советской детской литературы. Расширился круг тем, книги стали ближе к жизни, в нашей советской действительности и к интересам советских ребят. План Детиздата на 1939 год — это новый значительный шаг на пути к дальнейшему улучшению нашей детской литературы.

План обширен. Он включает в себя всевозможные виды книг от «мооскатных» изданий миллионтиражных «книжек-малышек» до крупнокалорийных томов-гигантов. Здесь книги для дошкольников, книжки-картинки, книжки для чтения первокурсников, биографии великих людей, стихи, сказки, рассказы, большие повести и романы для ребят старшего возраста, книги для юных техников, геологов, натуралистов, исторические книги, книги о просторах мира, книги о четвероногих, о перелетах, книга о школе, о спорте и т. д. и т. п.

Разумеется, удовлетворить изданием этого года все запросы и интересы молодого читателя невозможно. Для этого потребовались бы тысячи названий и миллиардные тиражи. Однако есть какая-то первоочередность задач, которые должны поставиться перед собой издательство, выпускающее книги для детей. И вот требования этой первоочередности ряда тем план Детиздата на 1939 год далеко не везде отвечает.

Недостаточно внимания уделено в плане оборонным темам. Почти совершенно нет книг на антифашистские темы, мало книг по интернациональному воспитанию, скудно представлены книги, дающие ребенку представление о нашей родине. «Мы должны добиться того, чтобы лучшие писатели и художники дали нам книги и альбомы, посвященные народам мира. О народах СССР лучше всего могут рассказать краеведы и участники многочисленных экспедиций, разбросанных по территории всего Союза. Они покажут нам национальный быт в процессе его изменения и развития, воспитают в детях интернационализм» (А. М. Горький «О темах»).

Непонятно, по какой причине издательство игнорирует любовь старших ребят к поэзии. Стихи в плане почти совершенно отсутствуют. Неудивительно мало издается Маяковский, нет ни одной книжки Габриэля. Некоторые из руководителей Детиздата склонны поддерживать странную версию о том, что «старшие ребята совершенно равнодушны к стихам». А всем отлично известно, что в школах ребята продолжают переписывать из альбомов в альбом неизвестно откуда добытую пошлую стихотворную дребедень, жално ищут даже в календарях лярвоческих стихов, да и сами чуть ли не все тактовые пописывают...

В разделе выпуска книг для дошкольников много гололовности. Вместо тем и названий книг в плане стоят только те разговоры и ни к чему не обязывающие обозначения: «новые стихи», «стихи», «расказы»...

В плане редко встречается новое авторское имя. Издательство слабо работает с начинающими писателями.

Смелее и шире надо привлекать писателей из «взрослой» литературы. В сегодняшнем плане Детиздата они лишь редкие гости.

Мы знаем, что с редакторскими кадрами в Детиздате не совсем благополучно. Остро ощущаются нехватка культурных изобретательных и авторитетных редакторов. Это один из самых серьезных вопросов, с которыми столкнется Детиздат при реализации своего большого плана на 1939 год. Товарищ А. А. Андреев говорил на Первом совещании по детской литературе:

«Известные слова товарища Сталина о кадрах: «людей надо работячить и вынашивать, как садовник выращивает обильноцветущее плодородное дерево», в меньшей мере относятся и к издательству по выращиванию кадров наших советских литераторов».

Редакторы детской книги тоже не растут сами по себе. И работа о их подготовке — важнейшая задача Детиздата.

КО ВСЕМУ ЦИВИЛИЗОВАННОМУ МИРУ ОБРАЩЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Против нашей страны попрежнему ведется вражеская пропаганда, нас оскорбляют неслыханными, лживыми оскорблениями, наша страна предана теми, кого она же сама подстрекала своей верностью. Ее искромсали, у нее отняли значительную часть наследия ее отцов. В один из самых печальных моментов нашей истории мы, представители чешской и словацкой интеллигенции, глубоко сознавая вопиющую несправедливость свершившегося, громко протестуем против постыдной сделки, с помощью которой этот мнимый мир в Европе куплен за наш счет.

Мы жили в нашей отчизне, исполненные самых миролюбивых чувств к соседям. И немцы, которые в разное время и главным образом в эпоху, когда мы составляли часть габсбургской империи, селились у ее естественных границ бывшего чешского государства, мы принимали как сограждан, даря им те же права, которым пользовались каждый из нас. Мы решали дружелюбно уладить все возникавшие между нами разногласия, хотя мы и сознавали, особенно в последнее время, что некоторые из этих разногласий провокационно и намеренно подогреваются. Но в момент, когда нам, казалось, удалось добиться полного и окончательного соглашения, мы увидели, как из-за границы вторгается сила. Она пожелала притти к решению, вполне отличному от прочного и подлинного мира, и в своих агрессивных целях злоупотребила всеми историческими принципами права народов на самоопределение.

Области, которые в течение тысячелетий были составной частью Чехии, отторгнуты у нас грубой силой. Уничтожено единство территории, ограниченной горами Чехии, и великое культурное единство, сплотившее на протяжении веков. Это свершилось против воли значительной части чехов и словаков сограждан. Совершенно не принимая в расчет наше историческое право, опирающееся на тот неопровержимый факт, что чехословацкий народ является коренным населением на всем протяжении страны.

Но прежде всего мы скорбим сегодня о живой нации и о тех, кто придет после нас. 30 сентября, по решению мюнхенской конференции, у этой живой нации и у будущих поколений отторгнута часть родной земли, их лишенная права использовать сообща естественные богатства страны, сосредоточенные в горах Чехии, горных районах. Их промышленность разрушена, пути сообщения перевернуты, оборонная мощь подорвана. Этого еще недостаточно: нас лишают восточных районов Республики.

Мы никогда не думали, что в цивилизованном мире, по решению четырех великих держав, принятому против нас и без нашего участия, насилье сможет столь ужасным и бесчестным образом восторжествовать над правом. Мы тем более никогда не думали, что возможно с такой безответственностью отказаться от международных обязательств, подтвержденных пунктами договоров. Дело не только в нас, дело во всем будущем европейского человечества и особенно в будущем малых народов, существование которых основано на прочности морального права. Поэтому мы вызываем сегодня к совести всех тех, кто верит в европейскую цивилизацию. Отдасте ли вы себе отчет в том, что насилье над слабым, осуществленное с помощью измены и подлости, никогда не приведет к подлинному, честному и прочному миру?

Мы, представители чешской и словацкой интеллигенции, заявляем, что никогда не откажемся от прав на нашу историческую землю, от своей независимости и от права на нормальное экономическое развитие, хотя сейчас и вынуждены подчиниться превосходству материальной силы. Отдасте ли вы себе отчет в том, что в этой борьбе наша обязанность стоять на нашей стороне, добиваясь истинного мира, права на жизнь для всех народов? Будьте уверены, что в противном случае постигшая нас участь рано или поздно будет уготована и вам. Боритесь же с достаточной решительностью против методов насилья и угнетения, перед которыми мы не устояли.

Чешская академия наук и искусств, Академия искусств, Художественно-просветительная школа, Национальная консерватория музыки и драматическое искусство, «Matic slovenská», «Архитектурный клуб».

«Блок», Кружок чешских литераторов, Общество писателей «Май», Ассоциация чехословацких писателей, Пражский Пен-клуб, Словацкий Пен-клуб, Общество словацких писателей, Союз словацких литераторов и композиторов.

Чешская филармония, Клуб артистов оркестра, Клуб композиторов, Ассоциация современной музыки «Пимитомость», Квартет Ондрич, Пражский квартет.

Клуб художников и скульпторов «Алеш», Общество чехословацких графичников и скульпторов, Общество художников и скульпторов «Манеш», Общество художников и скульпторов «Мысльбен», Словацкое общество художников и скульпторов, Группа художников и скульпторов в Брно, «Umelecká beseda slovenská», Ассоциация художников и скульпторов, Профессиональная организация чехословацких художников и скульпторов, Союз художников и скульпторов, Клуб художников и скульпторов, Ассоциация моравских художников и скульпторов.

Драматическая федерация, Клуб солистов национального театра, Клуб работников чешских и немецких театров, Клуб солистов муниципальных театров Праги.

«Михас Подгорный» — Тикопоко, «Сасуци Дави» — А. Степаняна. Камерная советская музыка, только в последние годы развивающаяся по-настоящему, будет представлена в декале специальными вечерами квартетов наших крупнейших композиторов: Шостаковича, Прокофьева, Масковского.

Огромный интерес, несомненно, вызовет исполнение нового струнного квартета Дмитрия Шостаковича. Можно с полным правом утверждать, что каждая наша музыкальная декада — большой вклад не только в советскую культуру, но и в европейскую музыку. Творческая мысль композиторов современного Запада запуталась в бесплодных формалистических поисках. Многие, даже крупные современные европейские композиторы полагают, что их музыка тем выше и ценнее, чем меньше ее понимают обыкновенные смертные. Последние произведения, например, Кшесенка, Хиндемита и других, непонятны даже профессионалам-музыкантам.

Очень немногие композиторы (во Франции — Онеггер, Майло) делают попытки вернуть современной западной музыке здравый человеческий смысл. Но эти отчаянные попытки тонут в море выхолащенного эстетствующего формализма.

Только перед нами, советскими музыкантами, раскрыты безграничные творческие перспективы. Наше музыкальное искусство, неотделимое от самой жизни, от ее правды, от народа, призвано утвердить подлинный реализм. Такой путь, по которому уверенно идут лучшие советские композиторы, создавая музыкальные произведения — ясные и доходчивые, содержательные и идейно-насыщенные.

Декада советской музыки продолжится до 30 ноября. Концерты будут происходить во всех залах Филармонии. Но и в этих условиях трудно, разумеется, достаточно полно представить все новое, яркое и свежее, чем так богата наша творческая музыкальная мысль и советское исполнительское искусство.

Несколько критических замечаний по поводу декадных программ, уделяя много места новой, советской музыке, организаторы декады, к сожалению, не включили в программу произведения, уже ставшие советской классикой. Таковы некоторые симфонии Масковского, Рахманинова, первая и пятая симфонии Шостаковича, Классическая симфония Прокофьева. Программа декады не дает полного впечатления о всем богатстве советской музыкальной культуры. Повидимому, из-за «недостатка места» в декале мало представлена и новая камерная советская музыка.

Приближаются знаменательные даты — 125-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко и М. Ю. Лермонтова. У советских композиторов есть немало работ, посвященных творчеству этих поэтов. В. Асафьев написал, например, оперу «Казначейша». Никлы дерюмовских романсов создал С. Фейнберг, Л. Шварц. Украинские композиторы работают над оперой на певческие темы. Как отражено все это в декаде? Никак. Разве готовые работы нельзя показать до юбилейных сроков?

Наконец несколько слов о репертуаре для солирующих русских народных инструментов. Композитор С. Н. Василенко написал большой концерт для балалайки с симфоническим оркестром. Это — огромное событие в истории народной балалайки. Концертные пьесы для этого инструмента сочинил З. Фельдман. Почему же не включен в декаду замечательный мастер-виртуоз на балалайке Николай Осипов, исполняющий эти произведения?

Советская музыка давно уже переросла скромные масштабы «смертных» деклад. Мы думаем, что такие музыкальные циклы должны быть рассчитаны на большие сроки. Но дело конечно не только в сроках. Наиболее правильное построение программы возможно только при условии постоянной творческой связи устройствелей декад с композиторами и исполнителями советской музыки.

Тургеневские дни в Орле

Торжественно отпраздновал Орел знаменательную дату — 120 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева.

В Орле прибыло много делегаций из разных городов Советского Союза. Прибыли также делегации колхозников и интеллигенции из тургеневских мест. В президиум торжественного заседания рядом с депутатами Верховного Совета СССР г. Симановским и депутатами Верховного Совета РСФСР Бойцовым и Бордовым, рядом со старейшим словесником-педагогом г. Орла г. Горовым мы видим современника писателя, старика-колхозника села Спасского-Лутовинова тов. Замятина.

В фойе театра выставлены интересные экспонаты литературного музея, отражающие жизнь, творчество и важнейшие высказывания писателя. Обращает на себя внимание стенд, показывающий отношение к творчеству Тургенева В. И. Ленина, который очень часто цитировал произведения писателя. С большим вниманием выслушал зал воспоминания старика-колхозника Замятина о прежней и нынешней жизни орловского крестьянства; сильно прозвучало выступление тов. Горового, который отметил, что до Великой Октябрьской революции ничего не было сделано в Орле для увековечения памяти великого орловца. Наглядной иллюстрацией к словам т. Горового были два документа. Они находились тут же, среди экспонатов литературного музея. Это резолюция министра внутренних дел — отказ в просьбе разрешить празднование тургеневского юбилея в 1908 г. — и другой документ, датированный 1918 годом, — решение советской власти создать в городе Орле литературный музей имени Тургенева.

Делегация школьников и пионеров читала отрывки из произведений писателя. Одна ученица прочитала свое стихотворение, написанное в память Тургенева.

Большой разнообразный и хорошо составленный концерт с участием артистов московских театров затянулся далеко за полночь.

Лауреат международного конкурса пианистов им. Шопена Юрий Брюшков исполнил произведения Чайковского, Шопена, Рахманинова. Солстка Государственного оркестра Ленина Большого театра Союза ССР Е. В. Боровская закончила концертное отделение исполнением произведений Глинки, Гречанинова, Верди.

«Орловская правда» посвятила юбилею три полосы своей газеты.

Марк КОЛОСОВ

г. Орел.

«Михас Подгорный» — Тикопоко, «Сасуци Дави» — А. Степаняна. Камерная советская музыка, только в последние годы развивающаяся по-настоящему, будет представлена в декале специальными вечерами квартетов наших крупнейших композиторов: Шостаковича, Прокофьева, Масковского.

Огромный интерес, несомненно, вызовет исполнение нового струнного квартета Дмитрия Шостаковича. Можно с полным правом утверждать, что каждая наша музыкальная декада — большой вклад не только в советскую культуру, но и в европейскую музыку. Творческая мысль композиторов современного Запада запуталась в бесплодных формалистических поисках. Многие, даже крупные современные европейские композиторы полагают, что их музыка тем выше и ценнее, чем меньше ее понимают обыкновенные смертные. Последние произведения, например, Кшесенка, Хиндемита и других, непонятны даже профессионалам-музыкантам.

Очень немногие композиторы (во Франции — Онеггер, Майло) делают попытки вернуть современной западной музыке здравый человеческий смысл. Но эти отчаянные попытки тонут в море выхолащенного эстетствующего формализма.

Только перед нами, советскими музыкантами, раскрыты безграничные творческие перспективы. Наше музыкальное искусство, неотделимое от самой жизни, от ее правды, от народа, призвано утвердить подлинный реализм. Такой путь, по которому уверенно идут лучшие советские композиторы, создавая музыкальные произведения — ясные и доходчивые, содержательные и идейно-насыщенные.

Декада советской музыки продолжится до 30 ноября. Концерты будут происходить во всех залах Филармонии. Но и в этих условиях трудно, разумеется, достаточно полно представить все новое, яркое и свежее, чем так богата наша творческая музыкальная мысль и советское исполнительское искусство.

Несколько критических замечаний по поводу декадных программ, уделяя много места новой, советской музыке, организаторы декады, к сожалению, не включили в программу произведения, уже ставшие советской классикой. Таковы некоторые симфонии Масковского, Рахманинова, первая и пятая симфонии Шостаковича, Классическая симфония Прокофьева. Программа декады не дает полного впечатления о всем богатстве советской музыкальной культуры. Повидимому, из-за «недостатка места» в декале мало представлена и новая камерная советская музыка.

Приближаются знаменательные даты — 125-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко и М. Ю. Лермонтова. У советских композиторов есть немало работ, посвященных творчеству этих поэтов. В. Асафьев написал, например, оперу «Казначейша». Никлы дерюмовских романсов создал С. Фейнберг, Л. Шварц. Украинские композиторы работают над оперой на певческие темы. Как отражено все это в декаде? Никак. Разве готовые работы нельзя показать до юбилейных сроков?

Наконец несколько слов о репертуаре для солирующих русских народных инструментов. Композитор С. Н. Василенко написал большой концерт для балалайки с симфоническим оркестром. Это — огромное событие в истории народной балалайки. Концертные пьесы для этого инструмента сочинил З. Фельдман. Почему же не включен в декаду замечательный мастер-виртуоз на балалайке Николай Осипов, исполняющий эти произведения?

Советская музыка давно уже переросла скромные масштабы «смертных» деклад. Мы думаем, что такие музыкальные циклы должны быть рассчитаны на большие сроки. Но дело конечно не только в сроках. Наиболее правильное построение программы возможно только при условии постоянной творческой связи устройствелей декад с композиторами и исполнителями советской музыки.

Лауреат международного конкурса пианистов им. Шопена Юрий Брюшков исполнил произведения Чайковского, Шопена, Рахманинова. Солстка Государственного оркестра Ленина Большого театра Союза ССР Е. В. Боровская закончила концертное отделение исполнением произведений Глинки, Гречанинова, Верди.

«Орловская правда» посвятила юбилею три полосы своей газеты.

Марк КОЛОСОВ

г. Орел.

«Михас Подгорный» — Тикопоко, «Сасуци Дави» — А. Степаняна. Камерная советская музыка, только в последние годы развивающаяся по-настоящему, будет представлена в декале специальными вечерами квартетов наших крупнейших композиторов: Шостаковича, Прокофьева, Масковского.

Огромный интерес, несомненно, вызовет исполнение нового струнного квартета Дмитрия Шостаковича. Можно с полным правом утверждать, что каждая наша музыкальная декада — большой вклад не только в советскую культуру, но и в европейскую музыку. Творческая мысль композиторов современного Запада запуталась в бесплодных формалистических поисках. Многие, даже крупные современные европейские композиторы полагают, что их музыка тем выше и ценнее, чем меньше ее понимают обыкновенные смертные. Последние произведения, например, Кшесенка, Хиндемита и других, непонятны даже профессионалам-музыкантам.

Тургеневские дни в Орле

Торжественно отпраздновал Орел знаменательную дату — 120 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева.

В Орле прибыло много делегаций из разных городов Советского Союза. Прибыли также делегации колхозников и интеллигенции из тургеневских мест. В президиум торжественного заседания рядом с депутатами Верховного Совета СССР г. Симановским и депутатами Верховного Совета РСФСР Бойцовым и Бордовым, рядом со старейшим словесником-педагогом г. Орла г. Горовым мы видим современника писателя, старика-колхозника села Спасского-Лутовинова тов. Замятина.

В фойе театра выставлены интересные экспонаты литературного музея, отражающие жизнь, творчество и важнейшие высказывания писателя. Обращает на себя внимание стенд, показывающий отношение к творчеству Тургенева В. И. Ленина, который очень часто цитировал произведения писателя. С большим вниманием выслушал зал воспоминания старика-колхозника Замятина о прежней и нынешней жизни орловского крестьянства; сильно прозвучало выступление тов. Горового, который отметил, что до Великой Октябрьской революции ничего не было сделано в Орле для увековечения памяти великого орловца. Наглядной иллюстрацией к словам т. Горового были два документа. Они находились тут же, среди экспонатов литературного музея. Это резолюция министра внутренних дел — отказ в просьбе разрешить празднование тургеневского юбилея в 1908 г. — и другой документ, датированный 1918 годом, — решение советской власти создать в городе Орле литературный музей имени Тургенева.

Делегация школьников и пионеров читала отрывки из произведений писателя. Одна ученица прочитала свое стихотворение, написанное в память Тургенева.

Большой разнообразный и хорошо составленный концерт с участием артистов московских театров затянулся далеко за полночь.

Лауреат международного конкурса пианистов им. Шопена Юрий Брюшков исполнил произведения Чайковского, Шопена, Рахманинова. Солстка Государственного оркестра Ленина Большого театра Союза ССР Е. В. Боровская закончила концертное отделение исполнением произведений Глинки, Гречанинова, Верди.

«Орловская правда» посвятила юбилею три полосы своей газеты.

Марк КОЛОСОВ

г. Орел.

«Михас Подгорный» — Тикопоко, «Сасуци Дави» — А. Степаняна. Камерная советская музыка, только в последние годы развивающаяся по-настоящему, будет представлена в декале специальными вечерами квартетов наших крупнейших композиторов: Шостаковича, Прокофьева, Масковского.

Огромный интерес, несомненно, вызовет исполнение нового струнного квартета Дмитрия Шостаковича. Можно с полным правом утверждать, что каждая наша музыкальная декада — большой вклад не только в советскую культуру, но и в европейскую музыку. Творческая мысль композиторов современного Запада запуталась в бесплодных формалистических поисках. Многие, даже крупные современные европейские композиторы полагают, что их музыка тем выше и ценнее, чем меньше ее понимают обыкновенные смертные. Последние произведения, например, Кшесенка, Хиндемита и других, непонятны даже профессионалам-музыкантам.

Очень немногие композиторы (во Франции — Онеггер, Майло) делают попытки вернуть современной западной музыке здравый человеческий смысл. Но эти отчаянные попытки тонут в море выхолащенного эстетствующего формализма.

Только перед нами, советскими музыкантами, раскрыты безграничные творческие перспективы. Наше музыкальное искусство, неотделимое от самой жизни, от ее правды, от народа, призвано утвердить подлинный реализм. Такой путь, по которому уверенно идут лучшие советские композиторы, создавая музыкальные произведения — ясные и доходчивые, содержательные и идейно-насыщенные.

Декада советской музыки продолжится до 30 ноября. Концерты будут происходить во всех залах Филармонии. Но и в этих условиях трудно, разумеется, достаточно полно представить все новое, яркое и свежее, чем так богата наша творческая музыкальная мысль и советское исполнительское искусство.

Несколько критических замечаний по поводу декадных программ, уделяя много места новой, советской музыке, организаторы декады, к сожалению, не включили в программу произведения, уже ставшие советской классикой. Таковы некоторые симфонии Масковского, Рахманинова, первая и пятая симфонии Шостаковича, Классическая симфония Прокофьева. Программа декады не дает полного впечатления о всем богатстве советской музыкальной культуры. Повидимому, из-за «недостатка места» в декале мало представлена и новая камерная советская музыка.

Приближаются знаменательные даты — 125-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко и М. Ю. Лермонтова. У советских композиторов есть немало работ, посвященных творчеству этих поэтов. В. Асафьев написал, например, оперу «Казначейша». Никлы дерюмовских романсов создал С. Фейнберг, Л. Шварц. Украинские композиторы работают над оперой на певческие темы. Как отражено все это в декаде? Никак. Разве готовые работы нельзя показать до юбилейных сроков?

Наконец несколько слов о репертуаре для солирующих русских народных инструментов. Композитор С. Н. Василенко написал большой концерт для балалайки с симфоническим оркестром. Это — огромное событие в истории народной балалайки. Концертные пьесы для этого инструмента сочинил З. Фельдман. Почему же не включен в декаду замечательный мастер-виртуоз на балалайке Николай Осипов, исполняющий эти произведения?

Советская музыка давно уже переросла скромные масштабы «смертных» деклад. Мы думаем, что такие музыкальные циклы должны быть рассчитаны на большие сроки. Но дело конечно не только в сроках. Наиболее правильное построение программы возможно только при условии постоянной творческой связи устройствелей декад с композиторами и исполнителями советской музыки.

Лауреат международного конкурса пианистов им. Шопена Юрий Брюшков исполнил произведения Чайковского, Шопена, Рахманинова. Солстка Государственного оркестра Ленина Большого театра Союза ССР Е. В. Боровская закончила концертное отделение исполнением произведений Глинки, Гречанинова, Верди.

«Орловская правда» посвятила юбилею три полосы своей газеты.

Марк КОЛОСОВ

г. Орел.

«Михас Подгорный» — Тикопоко, «Сасуци Дави» — А. Степаняна. Камерная советская музыка, только в последние годы развивающаяся по-настоящему, будет представлена в декале специальными вечерами квартетов наших крупнейших композиторов: Шостаковича, Прокофьева, Масковского.

Огромный интерес, несомненно, вызовет исполнение нового струнного квартета Дмитрия Шостаковича. Можно с полным правом утверждать, что каждая наша музыкальная декада — большой вклад не только в советскую культуру, но и в европейскую музыку. Творческая мысль композиторов современного Запада запуталась в бесплодных формалистических поисках. Многие, даже крупные современные европейские композиторы полагают, что их музыка тем выше и ценнее, чем меньше ее понимают обыкновенные смертные. Последние произведения, например, Кшесенка, Хиндемита и других, непонятны даже профессионалам-музыкантам.

За пять дней

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Подготовка к юбилею Шолом-Алейхема

В союзе советских писателей СССР состоялось первое заседание юбилейного комитета, созданного в связи с 80-летием со дня рождения великого еврейского писателя Шолом-Алейхема. Председателем комитета избран т. М. Кольцов, секретарем — т. А. Гурштейн.

На этом заседании был обсужден подробный план проведения юбилея.

Чтобы познакомить читающие массы нашей страны со всем богатством творчества еврейского классика, комитет решил привлечь к переводу лучших писателей. В сотрудничестве с еврейскими литераторами и знатоками Шолом-Алейхема они смогут дать переводы хорошего качества.

Шолом-Алейхем известен как писатель-юморист, создатель повестей, пьес и романов. О Шолом-Алейхеме — публицисте и критике — мало кто знает. Между тем, его перу принадлежит много блестящих статей, которые он писал главным образом в 80-х годах прошлого столетия. Эти работы, как и большая переписка писателя, до сих пор не входили ни в одно собрание сочинений. Вот почему предложение выпустить том неопубликованных произведений и издать с помощью Института мировой литературы им. М. Горького научный сборник, включающий в себя переписку Шолом-Алейхема, было встречено единодушным одобрением.

Большое место в творчестве Шолом-Алейхема занимают пьесы. Для их популяризации решено выпустить на русском языке специальный сборник, который поможет театрам РСФСР осуществить ряд постановок. Многочисленные еврейские кружки самодеятельности должны также получить книгу одноактных пьес на еврейском языке. Комитет рекомендовал Московскому государственному еврейскому театру провести в марте 1939 года декаду постановок шолом-алеихемовских пьес.

Для увековечения памяти писателя комитет решил холатайствовать перед соответствующими организациями о сооружении памятника Шолом-Алейхему в г. Киэве и об учреждении пяти стипендий для студентов еврейского отделения Киевского театрального института, Одесского педагогического института и Еврейского театрального училища в Москве.

А. Н. ТОЛСТОЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Состоялся ряд творческих встреч А. Н. Толстого с ленинградскими писателями. В частности А. Н. Толстой прочел группе литераторов и театральных деятелей свою новую комедию-памфлет «Чортов мост» и рассказ о работе над пьесой «Путь к победе» («Полудне 14 держав»), окончательную редакцию которой Алексей Николаевич закончил в Ленинграде.

Чтение и обсуждение комедии «Чортов мост» состоялось и в Доме писателя им. Маяковского.

Вечер А. Н. Толстого собрал многолюдную аудиторию.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КОМАНДИРАМ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

За образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за проявленное героичество присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина:

1. Капитану-лейтенанту Бурмистрову Ивану Алексеевичу.
2. Майору Гусеву Александру Ивановичу.
3. Лейтенанту Романову Александру Георгиевичу.

Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль, 14 ноября 1938 г.

Награждение командиров, политработников, инженеров, врачей, техников, младших командиров и красноармейцев РККА

Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за выдающиеся успехи в боевой, политической и технической подготовке соединенческой и технической подготовке командиром, частей и подразделений Рабоче-Крестьянской Красной Армии орденами и медалями СССР, а также почетными грамотами Верховного Совета СССР награждены командиры, политработники, инженеры, врачи, техники, младшие командиры и красноармейцы.

Орденом Ленина награждены: лейтенан

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЛОДЕЖЬ НАРОДНОЙ ИСПАНИИ

Литература Испанской республики по праву может гордиться своей молодежью: поэтами и драматургами, чьими творческими усилиями в эти годы в Испании и неважною родиной. Сейчас эти молодые писатели уже могут объединить в особую группу. На этом международном конгрессе в защиту культуры в июле 1937 г. они выступили с декларацией, получившей название «декларации десяти», в которой изложили причины, побуждавшие их объединиться, несмотря на некоторые различия во взглядах. Их лозунг — «борьба за нового человека, борьба смысленная и углубленная. Интересно отметить, что декларация писательской молодежи присоединилась к двум «старшим» — Мануэлю Альфонсо и Эмилио Прадос, принадлежавшим к поколению «мастеров 1930 г.» — Альберту, Арконате, Селдере, Бенавидесе и другим.

Среди писателей нового поколения есть и рабочие, и крестьяне, и представители трудовой интеллигенции. Лучший поэт молодого поколения, Мигель Эрнандес, в прошлом — пастух. Среди них анархисты, неокатолики, республиканцы, беспартийные. Но основную часть группы составляют члены Объединенного союза испанской молодежи, особенно комсомольцы. К комсомолу и компартии принадлежат все наиболее одаренные представители молодого поколения — Хосе Эррера Петере, Артуро Серрано Пляха, Лоренсо Варела, Мигель Эрнандес, Антонио Аларисо и другие.

Возраст писателей нового поколения — от 17 до 30 лет. Среди них и совсем юные подростки, впервые вышедшие за перо, и люди с определенным писательским стажем (впрочем, не более двух-трех лет). Огромное большинство этих писателей, однако, что ранее выступало со своими произведениями на митингах, рабочих празднествах и т. д., стали по-настоящему писать и печататься только во время гражданской войны 1936—1938 гг.

Их прошлое во многом схоже. Почти у всех за плечами тяжелая школа нужды, безработицы, голода, бродажничества. Можно было бы смело написать одну общую, «коллективную» биографию этого литературного поколения. Безрадостное детство, раннее знакомство с каторжным трудом на шахтах, в рудниках или поместьях богатых. Бродажничество, страшная тяга к знанию, к книге, к творчеству. Первый, еще плохо освоенный протест и как результат его — безработица, нищета, голод, иногда тюрьма.

Любопытно отметить, что по крайней мере половина писательской молодежи знакома с тюрьмой и полицейскими преследованиями, а кое-кто из них в период «черного двухлетия» (1934—1935 гг.) даже работал в подполье.

Такова «коллективная» биография рабочих и крестьянских частей молодого поколения. Для представителей трудовой интеллигенции к этому нужно добавить невозможность найти работу после окончания школы или университета.

Почти во всех биографиях молодых писателей мы находим одно и то же характерное признание: «Сперва я увлекался анархо-синдикализмом, но потом на опыте убедился в бесплодности и пагубности его идей. Тогда я стал искать сближения с компартией, вступил в комсомол». Компартия Испании и ее комсомол были той силой, которая ослепила молодых литераторов от отчаяния, вывела их на правильную дорогу. Все биографии заканчиваются словами горячей любви к отечеству всех трудящихся — Советскому Союзу.

Гражданская война 1936—1938 гг. дала боевую закалку всему молодому поколению. Имена многих писателей неразрывно связаны с названиями отдельных частей народной испанской армии. Хосе Эррера Петере вырос в той замечательной школе, какой была для молодых испанских писателей, да и для всей испанской интеллигенции, славный 5-й полк, возглавлявший Мадрид. Петере был не только одним из редакторов печатного органа 5-го полка «Милосия популяр», но и его историографом. Имя поэта Антонио Аларисо теснейшим образом связано с движением культурно-политическим. Когда в феврале 1937 г. дивизия отступала кустовыми противниками на реке Харама, Аларисо был тяжело ранен. Жизнь и творчество поэта Альфонсо М. Карраско так же неразрывно связаны с боевой работой доблестной 27-й дивизии, сражавшейся на арагонском фронте.

Для молодого поколения испанских писателей борьба с фашизмом стала не только великой школой мужества, героизма, революционной дисциплины, но и не менее великой школой интеллектуальной солидарности. Сражаясь бок о бок с бойцами интернациональных бригад, писатели нового поколения учились у них высокой сознательности в выполнении революционного долга. Германский коммунист Ганс Веймлер, погибший при защите Мадрида, сделался одним из любимых героев молодой испанской поэзии. Стихи на его смерть написаны

Ю. БОРИСОВА

В поисках Америки

Путевые заметки — один из самых устойчивых литературных жанров. Эпоха и человек, старое и новое, нравы и обычаи, вечная прелесть природы и сокровенные мечты автора, ее наблюдательное, — словом, все, что затрагивает пылкий человеческий ум, что говорит чувству, находят в этом жанре свое выражение. Часто это исповедь современника и вместе с тем репортаж широких социальных наблюдений. От Геродота до Волтера, Стендаля, Радищева, Байрона и Гейне шло развитие этого жанра.

И в наше время очень многие западные писатели в той же форме путевых очерков пытаются определить свое отношение к действительности. Писатели эти уже давно втянуты в борьбу, которая все резче разделяет человечество на два непримиримых лагеря. Многие из них танют туда, где разыгрываются самые острые схватки между этими двумя лагерями.

Эгон Эрвин Киш, Андре Мальро, Эрнест Хемингуэй, Люк Дортен и другие стали как бы вечными странниками. Китай, Ис-

КОМУ ВЫ ГОВОРИТЕ!

Джон Бойнтон Пристли уже много раз и совершенно безнаказанно нарушал основные законы театра. Он разбивал мирное движение пьесы неожиданными и невероятными вторым «планом»: он запугал на своих героях посторонних лиц, не имеющих к пьесе и к театру никакого отношения; он сознательно перепутывал реплики, и герои терли «образ», и т. д. и т. д. За все это отвечал актер, который должен был при всех этих странностях «оставаться в образе» и даже как-то незаметно переходить из иллюзии в действительность и обратно. Первого ноября в Лондоне произошел случай, который показал, что так вечно продолжаться не может. Автор равно или поздно должен сам за все отвечать.

В автомобильной катастрофе получил ранение и выбыл из строя мистер Фрэнк Петтингелл, исполнитель роли фотографа Генри Орморлида в пьесе Дж. Пристли «Когда мы поженимся», которая идет в Лондоне в театре Сент-Мартин. Дублера не было, и пьесу пришлось было надолго снять с репертуара, если б сам Дж. Пристли не вызвался заменить м-ра Петтингелла.

Пристли уверяет, что он никогда до того не играл даже в любительских спектаклях, и все это предпринятое представляло для него чисто спортивный интерес. Работа с режиссером показалась ему очень интересной и приятной; труднее всего было выучить роль наизусть, «Сам когда-то все это написал, а запомнить по порядку страшно трудно».

Первого ноября состоялось выступление Дж. Пристли в качестве актера на сцене театра Сент-Мартин. Перед этим дебютном выступлением много рассуждали о многозначительности «чисто приделловской» встрече автора со своим героем на ярко освещенной площадке, перед насмешливым и злым зрительным залом. Актеры считали, что это его научит писать пьесы по-человечески!

По результатам оказалось совершенно неожиданным. Пристли, по словам газет, очень хорошо сыграл своего подвыпившего фотографа, который отлучил себя чувствует в чудовищном мещанском «салоне» и ли в чем себя не ограничивает, потому что твердо знает, что его сюда больше все равно не пригласят. Иногда Пристли забывал свои реплики (выучить роль — это оказалось самым трудным!), но в целом очень уверенно вел своего фотографа.

После спектакля Пристли обратился к публике с короткой речью. Он благодарил за снисходительное отношение. Миновав этот «опасный поворот», сказал Пристли, он впервые после многих лет работы для театра имеет право сказать, что побывал на сцене. Он советует всем драматургам попытаться это на себе, потому что без этого нет настоящего знания сцены.

Актеры очень напуганы всем происшествием. Теперь уже Пристли окончательно перестанет верить в традиционные «основные законы театра». «Кому вы говорите!» — скажет Пристли своим противникам: — Помните, я в «Когда мы поженимся» выхожу это я на сцену...»

Л. БОРОВОЙ

ОБОРОННАЯ ЛИТЕРАТУРА В 1939 ГОДУ

В Гослитиздате по инициативе издательства и редакции журнала «Знамя» обсуждался тематический план оборонной литературы, которая будет выпущена в 1939 г. Обсуждение плана началось с выступления Т. А. Лозовского, говорившего о темах оборонной литературы, выдвинутых самой жизнью.

Большой счет советским писателям предъявили на совещании представители Красного Флота.

Кто из писателей пишет о защитниках морских рубежей, уже прославивших себя героическими подвигами во славу родины? Очень мало таких писателей. Новиков-Прибой, Вишневский, Соболев хорошо знают флот. Но моряки недаром дружат с пугачом: «Капитальный ремонт» у Соболева так затянулся, что за это время можно было отремонтировать все корабли.

Писатели пишут больше всего о прошлом флота. История флота — необычайно интересная вещь! Но сейчас необходимы книги и о современном, советском флоте. Наступает 1939 год. Это год исторических дат: страна будет праздновать двадцатилетие разгрома Деникина, Юленка, исполнится 25-летие со дня начала империалистической войны.

К этому времени должны выйти книги, отражающие великие победы русской армии. Писатели, выступившие на совещании, подыняли своими мыслями об оборонной художественной литературе.

Тов. А. Исбах заявил, что необходимо ликвидировать военную неграмотность писателей. Для этого им на помощь должны прийти военные академики. При союзе советских писателей должны читаться лекции о военно-стратегических и исторических дисциплинах.

Молодой писатель Л. Жариков горячо присоединился к этому пожеланию. По сообщению Т. Б. Горбачева, при ССП организуется оборонная комиссия, которой будет руководить т. В. Вишневский. Комиссия обязана будет вооружить писателей военными знаниями и помочь консультацией тем авторам, которые работают сейчас над оборонными произведениями.

Тов. В. Вишневский говорил о выращивании кадров писателей из бойцов Красной Армии и Флота. Многие из них пишут «для себя», для своего драматического коллектива. У некоторых из этих красноармейских писателей есть талантливые произведения, в которых чувствуется прекрасное знание армии. Такие люди должны участвовать в создании оборонной литературы, им надо всемерно помогать.

С большим удовлетворением совещание встретило заявление т. Лозовского о том, что в 1939 году Гослитиздат будет издавать специальную серию оборонных произведений «Красная звезда». Работа по изданию этой серии концентрируется при журнале «Знамя». Создается специальная редакция, которая уточнит темы книг.

цания и слова Китая, наконец, весь мир сделался ареной их наблюдений. Путевые очерки потеряли свою степенность и размеренность. Писатель возвращается домой уже иным. Он слышал «дробь барабана» и поэтому на родине приглядывается к жизни зорче, внимательнее. Так возникли в последние годы многочисленные книги очерков и романов-путевых записей. В некоторых из них авторы хотя по-новому взглянули на свою страну. К их числу относятся недавно вышедшая в русском переводе книга американского писателя Наташа Аша «Дорога».

Книга Н. Аша носит красноречивый подзаголовок «В поисках Америки». Писателю, видимо, самому неясна цель его поездки. Он испытывает лишь насущную потребность вырваться из Нью-Йорка, уйти от привычной обстановки журналистской работы, чтобы, познав свою родину, ее людей, познать самого себя.

Чем дальше продвигается Аш, пользуется самым старомодным и демократичным, по его мнению, средством передвижения — автобусом, тем более унылая картина возникает перед ним. «Шель стала между домами, заваливая их туманом и навояя туман на мозг, подавляя мысли, прилавая городу меланхолическое выражение. Слово во время катастрофы, все думали только о пыли, видели только пыль, осязали ее, чувствовали ее на вкус и теряли обоняние». Так описывает Натан Аш пылевую шторм в Оклахоме. Но, по существу, пыльная пелена застлана от него все картина Америки, какая-то стена стала между ним и людьми. Старые люди, последние живые свидетели «добрых времен» рабовладельческого Юга, директора заторявших в степях шахт, воспринявшие все повадки бы-

лых плантаторов, разорившиеся фермеры и арендаторы, безработные, негры и мексиканцы — все они закрашены одной «пылевой» краской.

Аш всюду стремится подчеркнуть бессмысленность современной жизни и высказывает симпатию к угнетенным. Он хочет увидеть людей, поверить в них, узнать волнующие их чувства... и не может. Рабочий, с которым он случайно встречается, оказался поэтом, но свои стихи он Ашу не читает; старый провинциальный доктор (доктор) Пинни сорок лет писал книгу о смысле жизни. Док ослеп, книга зашифрована и прочесть ее никому. Аш встречается в пути с женщиной, сходится с ней и расстается. Кто она, что их свело, — мы так и не узнаем.

В предисловии к «Дороге» — своего рода программе писателя — Аш пишет об Америке: «Здесь нет традиции страдания. Если вы родились, то родились не для того, чтобы страдать. Пусть американский лозунг — все люди равны и имеют равные возможности — пусть этот лозунг постоянно оказывается обманом. При всей своей ясности, он лучше, чем убеждение, так распространено за границей: человек рождается, чтобы однажды умереть». Итак, да здравствует иллюзия!

Нам ясно, почему в предисловии Аш так настойчиво старается отмежеваться от своей «философии страдания». Многих американских писателей поразили рассказы произведений Хемингуэя. Они узнали себя в его героях, они пропихивали его идеи обреченности человека. Но многое изменилось с тех пор, как Хемингуэй написал свои первые книги. Сейчас даже Аш отрицает их правоту. Подходя к своему путешествию, он пишет: «Что мне делать со всеми этими людьми? Писать о них рассказы? Не для того я выехал, чтобы писать рассказы. Я не хотел писать легенд о голландской восточной или приковывающего ужаса красноватого, безстрастного убийства после полудня в африканских холмах».

И. ЗВАВИЧ

Совесьть и родина

В издательстве «Художественная литература» вышел в русском переводе VI том собрания сочинений Томаса Манна. В этом томе помещены: драма «Фюроренца», длившаяся в стихах «Песнь о ребенке» и несколько статей, написанных в течение последних тридцати лет. Книге предпослана статья В. Г. Адмони: «Томас Манн — теоретик искусства, философ и публицист».

Эта малосодержательная статья, в сожаление, несколько не способствует тому, чтобы читатель уяснил себе эволюцию взглядов Томаса Манна, ставшего теперь одним из передовых антифашистских деятелей.

Психик Томаса Манна в лагерь гуманизма обусловлен всем предшествующим развитием этого крупнейшего немецкого писателя. Эмиграция Томаса Манна, его протест против фашизма, — это не что-то случайное, оторванное от всего пути писателя. Напротив, это лишь новое и несомненное тому, что совесть гуманиста и художника, совесть патриота не может мириться с человеконенавистническим фашизмом.

Солнечная, яркая драма из эпохи возрождения «Фюроренца», написанная Томасом Манном в 1904 г., воспринимается нами сегодня как протест против ханжества и лицемерия, как вызов фашистскому зверю. Мы наслаждались и наслаждаемся «Буденбромми», этим крупнейшим произведением новой европейской литературы, этим гимном в честь великой человеческой совести.

К неизбежному разрыву с фашизмом Томас Манн пришел своим путем. Это был путь гуманиста-эстета.

Томас Манн — писатель, стоявший вне политической агитации, — воспринимал и воспринимает жизнь прежде всего как очень своеобразный художник. «Рихард Вагнер говорил», — пишет Томас Манн, как бы оправдываясь в несомненности темпов своего мышления с темпами современной жизни, — что полностью-немецким темпом является андальце. Вагнеровское изречение было бы гораздо более метким, если бы он опустил прилагательное «испанский» и ограничился деловитым достоинством меланхолика, в чем я вполне с ним согласен. Хорошая работа требует времени» («Путешествие по морю с Дон-Кихотом»). Но меланхолическое художественное восприятие не препятствует силе эстетических убеждений. И Томас Манн давно пришел к выводу: «что бы там ни говорили историки-пессимисты, у человека есть совесть, хотя бы только эстетическая, вкусовая... В глубине души оно не забывает всего того человеческого-некрасивого, неправедно-насилиственного и зверского, что совершилось в его среде, и в конечном итоге без его расположения никакой успех,

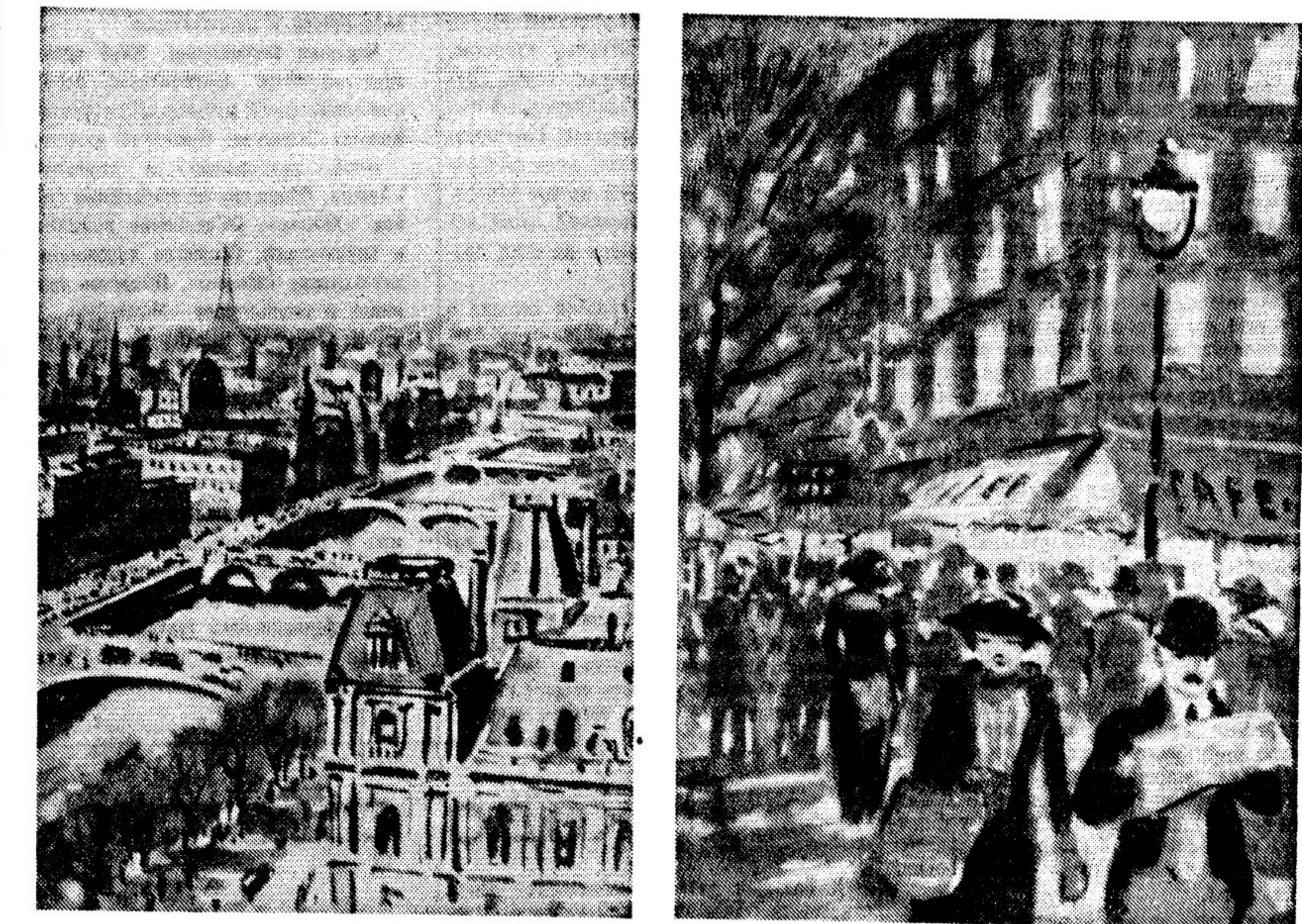
завоеванный силой и умением, не окажется прочным».

Гуманист Манн настолько оскорблен в своем чувстве красоты мерзким фашистским насилием, что он вынужден притти к политическому выводу — в разрыве с фашистской Германией. Манн верит в неизбежную гибель фашизма, верит в торжество добра, торжество гуманизма, пусть пока, главным образом, по соображениям эстетическим и моральным, а не политическим.

Эта вера никогда не покидала и не покидает Манна. В этом отношении интересна его статья, направленная против Шпенглера Шпенглера — один из идеологических предшественников фашизма. Книга Шпенглера «Закат Европы» вышла в 1918 г., когда книга Шпенглера была весьма модной в Европе, резко выступая против «гнилоподобного процветания» Шпенглера. Томас Манн понимает, что позволив к появлению пессимистических или фаталистических учений, вроде того, которое представлено книгой Шпенглера, явился военный разгром Германии. «Мы народ волеуязвимый», — пишет Манн, — катастрофы, происшедшие над нами, война, падение государственной системы, принимавшей нами за атег репенсии (сустойчивая мера) из стихов Горация) и казавшейся совершенно невозможным, далее, общественно-экономические перемены радикальнейшего свойства, словом — всема бурные переживания привели наш национальный дух в состояние такой напряженности, какой он давно уже не знал».

Манн разоблачает Шпенглера и отрицает за ним право зашищать природу против человеческого духа. Ибо для Манна человеческий дух облагораживает природу.

Томас Манн — человек, от марксизма далекий, человек, философия которого кажется нам наивной и старомодной; но в то же время это человек смелый и последовательный. Во имя совести он с горечью бросил любимую им родину. Мы читаем в его замечательном «Путешествии по морю с Дон-Кихотом» (кстати сказать, прекрасно переведенном на русский язык) о том, как на палубе парохода старший стюард, приветливый голландец, обаяет пассажиров первого класса, как произойдет посадка в иллюминатор в случае крушения парохода: «Вот здесь, у релинга, мы садимся, затем иллюминатор оказывается на воде, — ну, а потом, — так он говорит, — я досталю вас домой». «Домой!» — пишет Томас Манн. — «Странная формулировка! Это звучит так, словно мы на волнах скажем ему свой адрес, а затем он в спасательной шлюпке отнесет нас по этому адресу. Домой, — а что это слово в сущности означает? Должно ли оно означать Кюснахт близ Цюриха, в Швейцарии».

В Гослитиздате готовится к изданию серия романов Жюль Романа «Люди доброй воли» в иллюстрациях Н. Кузьмина.

Заметки редактора

Ю. ЛУКИН

Одним из основных показателей качества работы редактора художественного произведения является умение сочетать всю ту сумму политических и художественных требований, которые предъявляют партия, советский народ к художественной литературе, — с предельно чутким, сугубо индивидуализированным подходом к каждому писателю и произведению в отдельности.

Большинство редакторских ошибок возникает в результате нарушения этого важнейшего принципа.

Плох редактор, который за деревьями не видит леса, и, залобовавшись десятком научных сравнений, самостоятельностью разрабатывает тему, смело в выборе художественных средств, может не увидеть, что основной тон смысла произведения ложен. Не очень удачно ушел от него и его антипод — редактор, барски отказывающийся от специфики порученного ему дела, полагающий, что не его забота снисходить до понимания вопросов художественной структуры произведения, и, тем более, утрачивать себя, выходя в детали литературной правки.

Страшен для писателя не менее, чем первые два, еще один тип «редактора» — редактор-костюмщик, который редакторский стол пытается превратить в прокрустово ложе для всего, что не укладывается в рамки им самим созданной и вычеркнутой усвоенной схемы. Лишь одна из разновидностей этого типа — своего рода литературные парикмахеры, причесывающие и пригладывающие на один манер все, что попадает им под руку.

Та сумма требований, которая предъявляется партией, народом к советской литературе, как раз предполагает и обеспечивает наиболее свободное, наиболее полное и яркое выявление творческой индивидуальности. И все поправки редактора должны вытекать из органической структуры произведения, которое он редактирует.

Все остальные стороны работы редактора являются, пожалуй, подчиненными. Так, например, необходимо, чтобы у редактора были и хороший художественный вкус (то, между прочим, прямо противоположно вчувствованию), и широкое знание действительности. А нужно это для решения все той же главной задачи, понимание которой является, по-видимому, ключом к пониманию особенностей редакторской работы и взаимоотношений между редактором и автором.

Классики русской литературы работали вместе с редакторами над улучшением текста своих рукописей. И наличие читателя, который имеет возможность еще до опубликования вещи оценить ее «с взглядом со стороны» и иногда указать на кое-какие погрешности не только против общепринятых законов литературы, но и, в ряде случаев, против самого себя, против своей творческой индивидуальности, — только приветствовалось.

Такое же отношение к работе редактора и крупнейших наших советских мастеров художественной литературы. Достаточно напомнить, какое значение придавал редакторской работе Горький, сам оставивший нам полные ее образцы и не раз выступавший с разоблачительной программой работы редактора.

Лучшие наши советские писатели без тени заискивания или ложного самолюбия советуется с любым редактором относительно любых его замечаний, если, конечно, эти замечания в какой-то мере помогают сделать рукопись лучше. Часто эта работа оставляет по себе самые хорошие воспоминания.

Хоту сказать, что долго не забуду того ощущения простого страха, который я испытывал, когда мне, тогда еще совсем молодому редактору, было поручено редактировать 3-ю книгу «Тихого Дона». Сделав ряд пометок, я ждал свидания с Шолоховым, и после первой же встречи у меня навсегда осталось чувство глубочайшего уважения к этому человеку. В то же приблизительно время произошло первое знакомство с Фадеевым. Помню, как позже Валентин Катаев предложил впервые ради опыта выключить в работу над новой его рукописью «Взлет парусников», когда она еще частично была в черновиках, когда еще дописывалась: помню, какое удовольствие доставляла встреча для работы над рождающимся текстом этого чудесного произведения. Помню увещательные, походя на решение шахматных этюдов поиски лучших вариантов текста с переодичными Фейхтлингера.

Особое место в работе редактора занимает работа с молодыми авторами. Мне известно много случаев, когда молодые писатели приходят советоваться с редакторами о своих очень еще отдаленных

творческих планах, поверяют им свои авторские тайны и охотно и продуктивно работают, получив в нужную им в какой-то мере поддержку и совет человека, знающего их сильные и слабые стороны, знающего весь их творческий путь.

Но, конечно, не всегда взаимоотношения автора и редактора складываются столь идеально. Конфликты здесь, разумеется, неизбежны.

Обострение отношений между автором и редактором обычно наступает в том случае, если редактор нарушает какой-либо из существенных принципов редакторской работы или автор, недовольный работой, пытается отстоять свое убеждение в том, что она неоправдана.

Речь идет, например, о том, что ни одно исправление не может быть внесено в рукопись без ведома и согласия автора. Надо покончить с системой «доложи», «прислывай», «подскажи», осуществленных без участия того, кого докладывают, причесывают или подстригают. Не надо уподобляться рукописи — даже и начинающего писателя — ученической тетради, которую школьный учитель берет для исправления. Борьба за качество нашей литературы должна быть резко усилена, и требования должны быть резко повышены. Но осуществлять это борьба за качество должна всегда при самом непосредственном участии автора. Это право автора, и в этом залог продуктивной работы редактора.

Здесь необходимо сказать и о том, что не всегда вмешательство редактора может коренным образом изменить качество рукописи.

Что, например, редактору делать с рукописью романа, в котором, помимо всего прочего, герой «лязгает ягодицами».

Или с рукописью, в которой молодой автор пишет: «Оставаясь наедине с павлином, она бросалась в его объятия с жалостливо-изголодавшегося волка...».

Широко известны анекдотические примеры этого типа, вроде: «животное кричало вельветовым голосом» или: «жена была безудержно рыдала» и т. п.

Вот один смелый художник живописи: «Полная в албомом перекосе лица пята подбрыла, белый ополотешивший Козачек клонил носом...»

В одной из рукописей автор — знаток зоологии — предостерегает: «ты с голо-в а с т и к а м и не шути. Голова-в а с т и к а м и, а выростит — шу-к о й останет...».

Горьке, живущих «по ту сторону» хребта, другой автор называет «потусторонними городами».

Большинство (подавляющее) рукописей, содержащих подобные красоты, конечно, не увидело света. Но случается так, что и в принятиемой к печати рукописи редактору обнаруживаются вполне достояние работы.

Очень часто приходится сталкиваться с тем, что книга оказывается растянутой. В другой — персонажи появляются и исчезают без видимого значения для хода действия. Иногда в речь действующих лиц закрадывается литературщина, такие обороты речи, образы, фразы, которые никак не свойственны речи живой, разговорной. Часто автор заставляет своих героев говорить как бы театральным интонацией: образцы, по существу, не к собеседникам, а к читателю, и рассказывая то, что герою по книге должно быть давно уже известно. Бывает, что в произведении говорят и действуют теши вместо людей. Иногда действие развивается в безудержном пространии, и нередко это относится не только к моментам зрительным: герои оказываются вырванными из социальной среды, вольными вне конкретной действительности. Известны примеры смещения исторической перспективы и вызванного этим искажения исторической действительности. Иногда разоблачение врага автор объективно превращает в предостережение этому врагу трибуны для пропаганды.

Очень много распространены ошибки в языке. Одна из частых встречающихся: «Вот и я!» — вскопчила она в проматку. — «Здравствуйте» — проматку и я. — «Здравствуйте» — проматку и я. — «Здравствуйте» — проматку и я. — «Здравствуйте» — проматку и я.

Из мелочей упомяну еще о словах «одевать» и «надевать». Общеизвестно, что можно одевать кого-нибудь или что-нибудь, надевая на него какие-нибудь предметы: одевать ребенка, одевать пальто, одевать вулкву, и надевать пальто, башмаки и т. д. А как часто писа-

тели заставляют своих героев одевать во что-то башмаки, пальто и т. д.: «Он одел пальто»; «Он одел галстук».

Иногда не улавливается оттенок, который приобретает сочетание слов или образов: «...ударил подраб в несколько классов: казался — как и ц о с т а р о г о д р у г а». Автор, видимо, хотел сказать, что его герой привык к инструменту, за который сел сейчас. А из-за сочетания слов «ударить» и «лицо старого друга» получается совсем неслучайно.

Бывает, что к автору привязается одно какое-нибудь слово и преследует его. Так, в романе одного молодого автора то и дело мелькало слово «хитрый»; и профили были хитрыми, и ветер хитрый, и даже зачатки хитрыми. То же было и со словами «смеяться веками». Персонажи смеялись веки один за другим, вместо того, чтобы держаться как-нибудь попарно.

В связи с этими повторениями интересен, однако, сейчас же поставит вопрос об относительности большинства тех стилистических требований, которые следует предъявлять к художественному произведению. Обычно мы добиваемся отсутствия повторений, скатости, яркости, разнообразия изобразительных средств. Общеизвестно, что иногда повторения, наоборот, обмгиваются; то же и с длиннотами. Существенно, что и к предельной яркости, как это ни парадоксально, следует стремиться не во всех случаях. Олиа писатель, когда я отчеркнул место, которое на первый взгляд соблазнительно было усилить, заметил: «А зачем? Это место проходящее». И правильно. Должна быть, как во всяком искусстве, сохранена аспектировка. Нельзя пенилу или музыканту все время вести свою партию фортиссимо.

Нет возможности, разумеется, исчерпать здесь даже небольшую часть тех потребностей, которые иногда легче бывает обнаружить «постороннему» взгляду редактора, чем самому автору.

Следует сказать, вопреки общепринятому мнению, что, чем тщательнее обработана рукопись автором, тем сложнее над ней работать редактору. И если рукопись такова, что в ней, как обычно говорят: «редактору нечего делать», тут-то и начинается самая интересная и плодотворная редакторская работа. Но здесь она ведется на гораздо более высоком уровне, чем обычно, и каждое найденное улучшение такого текста стоит двадцати потраченных, сделанных в сырой, недоработанной рукописи.

Всегда важно, однако, умение редактора определить, в какой степени в каждом отдельном случае допустимо вмешательство в работу автора. Я разумею здесь не качественную, а скорее количественную сторону вопроса. Хвалитесь заверения многих редакторов, что они, дескать, «переписали» рукописи того или иного автора, вряд ли имеют цену. Дело в том, что этот способ работы очень опасен для судьбы молодого автора, который, к сожалению, иногда охотно идет на такое «вытаскивание» его вещи. Вещь-то, допустим, «вытащить» удастся, а писателя это может иной раз попросту погубить и уж во всяком случае надолго дезориентировать.

Не менее, чем неуловима роль редактора, вредна ее переоценка некоторыми авторами, вынаволованными вниманием редакторов.

Известен случай, когда молодой автор получил огромную помощь в работе над крупным своим произведением со стороны крупнейших мастеров и вместо того, чтобы, учтя опыт колоссальной работы, проданной над его рукописью, извлечь из этого все необходимые уроки, следующее произведение, пороченное в своей основе, представил в издательство, помимо всего прочего, в таком виде, что отдельные выдержки из него штитировать здесь было бы просто стыдно.

Случай, подобный этому, к сожалению, не единичный. Слишком часто молодые — да и не только молодые — авторы несут в издательство знаменую версию рукописи в расчете на то, что редактор — на то и редактор, чтобы «доправить» и «сочинить» что нужно.

Приводить примеры такого отношения к работе не считая целесообразным, они широко известны всем работникам литературы.

Скажу только, что и в этом отношении, для многих и многих, образцом является редкостно выказательный в себе художник — Шолохов, рукописи которого поступают в издательство выверенными и исключительной тщательности. Огромная сила его таланта в соединении с искусством подлинного мастера мельчайшую деталь его произведений подчиняет той внутренней гармонии, которая отличает шолоховское творчество.

По поводу «Особого раздела»

Я оптимист. С верой и надеждой смотрю на все то, что происходит в области литературы. Секцию же какую начнут создавать, группом ли какой организовывать, журнал ли новый затевать, — я уже заранее благодарю инициаторов: сердечное вам спасибо, дорогие товарищи, за чуткое и внимательное отношение к братьям-писателям! Вы окажете им неоценимую услугу.

Вот, например, в журнале «Литературный современник» недавно появилась толстая сатира под названием «Особый раздел», и я уже спешу приветствовать его участника: доброе дело затеяли, товарищи! В своих остроумных и колких произведениях вы заклеймите все пороки и болезни, мешающие развитию нашей литературы. Вы поможете некоторым писателям осознать их ошибки и слабости, ослепленные зависти, выведете на частую вою самодовольную поспешность, притворитесь к позорному столбу приспособленчество и культуру... Какие благородные задачи, какое широкое поле деятельности! Вы уже успели выпустить три номера. Очень хорошо. Я прочел их от первой до последней строчки. Меня радует то, что одним из самых активных и плодотворных сотрудников «Особого раздела» является Ал. Флит. В его прежних книжках немало встречали мы ученых пародий и метких эпиграмм. Многие произведения, опубликованные им в «Особом разделе», дают только самое смутное представление о размерах его талантливости, и было бы грубой ошибкой думать, что это вершина его творчества. Нет и нет!

Взять хотя бы опубликованные им эпиграммы. Большинство этих эпиграмм носит настолько домашний характер, что вряд ли может быть интересным для читающей публики. К тому же, написаны-то они далеко не блестяще.

Симпатичное, но редкое светило («Звезда»)

Тебе стих Пушкин послышал: Блеснет случайно искрой света И снова пропадеешь где-то. «Как беззаконная комета В кругу расплещенном светило».

Ну, стоило ли брать в руки «Ювеналов быч» по такому скромному поводу: журнальчик-то, мол, очень хорош, да жалъ- выходит нерегулярно... И остроумия тут никакого не наблюдается, и стих довольно вялый, и язык весьма посредственный.

Отец и сын Где перен их средство? Отец — для деток пишет, А сын ни для кого!

Такие эпиграммы хорошо читать, на каком-нибудь семейном вечере, в узком, интимном кругу. Успех, надо полагать, будет колоссальный. А помечать их в солидном журнале, по-моему, просто неприлично.

Большая для мальчиков Книжкою сладких сто Нам испека Барто, Да все не то...

Эпиграммы такого типа обычно сочиняются экстремно, и в большом количестве, иприво настроенными малоформистами, связанными в писательской столовой. Второе блюдо уже съедено, третьего еще не подают. Вот они и экстремизируют. Некоторые из этих экстремов изредка появляются в стенгазете Дома писателя. Опубликовать их в журнале никому и в голову не придет.

Большинство пародий, напечатанных Ал. Флитом в «Особом разделе», далеко не исчерпывает его сатирического дарования, и если бы нам кто-нибудь заявил, что эти пародии являются для Ал. Флита пределом, мы были бы искренно возмущены подобным скептицизмом.

Я, рифмой грохочу, По легкой стороне, Явлюсь читателю, как надеждат. Илья-Пророк, я мучусь на колеснице — Пади же нип! И пусть земля-дрождит!!! Это из пародии Ал. Флита на Илью Сельвинского. Насколько непохож приведенный отрывок на стихи пародируемого автора, предоставляем судить читателю.

Пародии Ал. Флита, посвященные Рождественскому, Комиссаровой, Прокофьеву, Тихонову, Брауну, точно так же нельзя считать его полной и окончательной удачей. Это еще не пародии в строгом значении этого слова, а всего-навсего более или менее удачные имитации. Они не вскрывают существенных сторон творчества и стиля пародируемых авторов, не показывают, как

художественные приемы этих авторов при известной (а иногда законной) пародии гиперболизацией становятся курьезными и смешными, то есть, иначе говоря, они мало поучительны для поэтов и еще менее интересны для читающей публики.

Но все эти неудачи и промахи Ал. Флита меня нисколько не смущают. Я уверен, что в дальнейшем он будет печататься в «Особом разделе» замечательные пародии и блестящие эпиграммы.

Кое-что им уже сделано в этом направлении. Я имею в виду его остроумную пародию на пустопорожние театральные мемуары, ядовитую эпиграмму на романста, мирно отсиживающегося от действительности под прикрытием «древнеисторических» тем, а также басню «Критик и пчела», направленную против меда, патоки и сарпола в критических статьях.

Здесь присущее Ал. Флиту мастерство сочетается с общественным темпераментом. Второй сотрудник «Особого раздела», Фенимор Котгев, находится на такой ступени творческого развития, когда он успеха творить еще рано. То, что он успел опубликовать в «Особом разделе», по-видимому, является для него пробой пера.

Так, например, в своем сатирическом опыте «Капля молока» или «Стихи товарища» (№ 7) он совершенно безуспешно пытается доказать, что стихи В. Стрельченко есть не что иное, как «хвалитная рифмованная дребедень». Мы, конечно, всеполю стоем за неинтересную критику. Даже, в некоторых случаях, за жесткую и суровую критику. Но то, что сделал Фенимор Котгев с молодым способным поэтом В. Стрельченко, к критике имеет весьма слабое отношение.

Это уже не жесткая критика, а жестокая несправедливость.

Следующим произведением Фенимора Котгева является не менее неудачный сатирический опыт, где он пытается осуждать смертельно наболевшее — «Что написали бы на тему Чижик-Пыжик писатели иск, агрес и другие». Фенимор Котгев проявил здесь негустое новаторство. В его произведении фигурирует не то, что могли бы написать а, то, что уже написано поэтами Саломеевыми, Прокофьевым и другими, и вовсе не в связи с чижиком-пыжиком, а в связи с знаменитым стихотворением А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Несмотря на указанное нововведение, монтаж, изготовленный Фенимором Котгевым, получился весьма легковесным и может служить ярким примером того, как серьезная и ответственная деятельность сатирика иногда превращается в пустую забаву.

Правда, Фенимор Котгев проделал огромную работу по коллекционированию стихотворных отрывков, а это уже хорошо, ибо трудолюбие украшает литератора.

Третий сотрудник «Особого раздела», А. Макалопский, в № 7 опубликовал два произведения («Ржаное счастье» и «Критик в беде») на одну и ту же тему. И замет, что в первой свежести: критик не имеет своего мнения и ждет «казуального перста». Однако способный А. Макалопский его свои вещи сумел сделать забавными и смешными. А предстает себе, что будет, если он возьмет тему более остроу и не столь затасканную!

Чернорабочие «Особого раздела», Т. Отгров и В. Сысов, выполняют важную и полезную работу. Они следят за чистотой литературной речи и передают публичному осуждению всякого, кто осмелится шалить и небрежничать «в отношении русского языка». Правда, за небольшой период своей деятельности они уже успели совершить большую ошибку. На основании двух-трех неудачных примеров они объявили суждением «Заметки писателя» И. Новикова, посвященные некоторым стихам А. Твардовского. Огульность и разрачительность, проявленные ими в данном случае, совсем не идут к стилю их объективных заметок, где примеры языковой небрежности и неграмотности должны говорить сами за себя. Но все это не так страшно. В дальнейшем они, конечно, будут действовать «менее топорно и окажут нашей литературе серьезную услугу.

Как видит читатель, «Особый раздел» пока что никаких особых достижений не имеет. Оно и понятно: отдел этот в «Литературном современном» молодой. Ему крайне необходимы дружеский совет и товарищеская помощь.

ЛЮБИТЕЛЬ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

По страницам печати

ПЫЛ ПОЛЕМИКИ

В «Комсомольской правде» 11/XI напечатана статья С. Кирсанова «О молодых поэтах». Статья эта интересна и важна в основном. Бесспорно утверждение С. Кирсанова, что «советская молодежь воспринимается на лучших образцах человеческой культуры», что «молодые люди нашей страны свободно, без классовых дилемм, читают Байзая и Толстого, Пушкина и Свифта, Тейне и Маяковского» и, что «молодому человеку, с карандашом в руке изучающему «Капитал» Маркса и «Воспрое ленинизма» Сталина, не нужна упрощенная, специально для него разжованная поэзия».

Как нельзя более своевременно и совершенно здраво С. Кирсанов ставит и разрешает вопрос об особенностях, которые должны быть присущи молодому поэту:

«Молодой поэт, — пишет он, — это прежде всего новое и замечательное явление в литературе. Свежесть и новизна стиха, неожиданность поэтического мышления, сила воображения, самостоятельность — вот что всегда поражало при появлении нового поэта».

Но наряду с верными мыслями, положенными в основу статьи, С. Кирсанов совершает в ней ряд очень досадных ошибок.

Так, в числе псевдомолодых поэтов он называет А. Твардовского — поэта в достояние степеней зрелого, интересного и самостоятельного.

Необоснованно и бравадно он оценивает работу К. Симонова, которого с явной завышенностью и с не менее явным эхидством он именует «молодым трупоспособным литератором» и порицает за писание прозы и критику поэмы стихов, что в никакой мере не может быть материалом для обвинений.

И, наконец, совсем уже неожиданно, и без тени необходимых оснований С. Кирсанов вступает в полемику с А. Евгеньевым по поводу статьи этого последнего в сонетах С. Кирсанова, напечатанной в «Литературной газете».

Видимо, раскопав с А. Евгеньевым и оценке своих стихов, С. Кирсанов упрямит критику в том, что тот приветствует якобы установленный им отход С. Кирсанова от традиций Маяковского.

Такого утверждения в статье А. Евгеньева не было. А. Евгеньев писал в ней: «Нелепо подражать Маяковскому, как нелепо было бы стремление стать вторым Пушкиным, Бетховеном или Рембрандтом, Становясь на поэтические ходули, коверкая собственный голос, Кирсанов беспечно пытается сравняться с Маяковским, стать его точной копией, его «заместителем».

И далее: «Последними своими стихами Кирсанов ближе подошел к Маяковскому, чем в те дни, когда пытался переключить его».

Следовательно, речь шла о том, что беря на себя роль «заместителя» Маяковского, С. Кирсанов поступает неверно, участь же у Маяковского, от которого может достучаться».

Привлечь это или неприятно С. Кирсанову, но не следует на этом основании называть А. Евгеньева «неким Евгеньевым», делать вид, будто он (Кирсанов) не понял простоту в сущности мысли статьи, и с неумелым размыслом наивностью эту мысль извращает.

Вель сам же С. Кирсанов с полным основанием утверждает, что «...летарство, чем в те дни, когда пытался переключить его».

Все эти губительные заблуждения в статье С. Кирсанова особенно досадны именно потому, что вся она в основном, как мы уже говорили, справедлива и несомненно полезна.

«ПОЭЗИЯ ХОЗЯЙСТВА»

В девятой книжке «Молодой гвардии», безусловно богатой (здесь напечатаны первая часть романа В. Иванова «Пархомеко» и начало «Серой совь» М. Пришвина), с настоящей радостью читаешь очерк Корнея Чуковского о Н. Г. Гарине. У этого очерка сухое название — «Поэзия хозяйства». Между тем, это портрет Гарина — писателя и человека, написанный пронзительным художником.

Историко-литературные статьи в наших журналах слишком часто пишутся, так сказать, «холодным способом»; равнодушие к прошлому нашей литературы маскируется лжеученой и академической сухостью. Писатели препарируют. Он предстает глазами нашим, как некая ископаемая окаменелость, изучаемая «в разрез».

Правдивый очерк Чуковского рисует Гарина — всегда воодушевленного и борющегося. У него был бурный и противоречивый характер. Он был «интуитом цивилизации», ненавидел отсталость, горчо врал в прогресс. «В каждом эле ему вливалось то, что оно устроило. Он не был бы Гариним, не был бы Темой, если б тысячу раз не бросался в эту машину, красную машину живых людей, и не пробовал бы остановить ее, отстать от нее всякий раз, как лампающий рыпач от мельницы. Единственный порыв его книг — ослепить Россию. Тут все его тревоги и заботы».

Статья Чуковского рисует нам Гарина — писателя, воспевающего поэзию труда. Умелая и умная статья.

УЧЕНЬЕ СВЕТ...

Нелепо в газете «Красная Черкессия» появилась в литературной хронике сообщение об издании книги «Знаменитого английского писателя Романа Роллана. Когда речь идет о крупнейшем писателе Франции, друге Советского Союза, широко популярном у нас Роллане, невежество редакционных работников «Красной Черкессии» представляется непростительным.

Но что сказать о реляции московской критико-библиографической журнале «Литературное обозрение», которая хитрой и лукавой Тургенева с Григориевым. В № 17 журнала помещена громадная заметка об И. С. Тургеневе. Последняя же красуется подлинное изображение Д. В. Григорьевича с подписью, утверждающей, что это и есть автор «Залпнок охотника» и «Отгов и детей» — Иван Сергеевич Тургенев.

Литературная газета № 63

Б. ЛЕВИН Волчья жизнь

Виктор Шкловский написал хорошую повесть «Капитан Федотов». Мужественным языком он рассказал о бесконечной тусклой жизни замечательного русского художника Павла Андреевича Федотова. Для того, чтобы написать такую повесть, по всей вероятности, потребовалось прочесть уйму книг, собрать массу сведений, и как приятно, что материал этот из повести, как говорится, не выпадает. В повести от начала до конца все правдиво и зримо. Ни одного фальшивого, вычурного слова.

Десятилетний мальчишкой Федотов был отдан в московский кадетский корпус. «Корпус был огромный, коридоры похожи на улицы. Мальчик шел из коридора в коридор, с лестницы на лестницу, по окруженным, стелющимся ступеням. Нахло незнакомым, чужим: пахло казенным сукном. Барабан стучал в коридоре: где-то маршировали. Ултим коридоров сменялись площадями лестничных площадок, над площадями висело казенное небо еловое...». Это краткое описание корпуса сразу переносит вас в атмосферу спертго воздуха николаевской эпохи, в котором почти одновременно задохнулся гениальный Гоголь и поглотил в сумасшедшем доме великий русский художник Федотов. «Первой ротой командовал капитан Питер Христианович Минут, Высокий и сутуловатый,

с бледным лицом, он отличался от своих товарищей привычкой стучать металлической табакеркой по головам вателов. Удары эти он считал не наказанием, а предупреждением. Командир второй роты Александр Арнольдович Левин был человеком строгим, без интуитизма и ласковости. Разговоры его кончались обыкновенно так: «Пойдем-ка, я тебя невозможно поведу». Федотов учился хорошо... «У него была замечательная память, он мог запомнить все, даже артикулы воинский. Он мог прочесть имена всех особ парствующего дома подра, не только спереди назад, но и сзади наперед». Павел Андреевич кончил курс первым по успехам в науках, и начался для него бесмысленная, наизощренная служба офицера.

«Жил Федотов на маленькой даче под Парголово. По четвергам пел, играл на гитаре. Омажды он заметил, что у него не по средствам увеличивается стол. Как-то вечером денщик яроплавает Корнушов ставит на стол даже жареную курицу. Сегодня курица, послезавтра опять курица. Очевидно, Корнушов ворует. Вызвал Корнушова, Корнушов отперся. А через три дня на ужин колбаса и бутылка вина.

— Корнушов, откуда это? — Экономические суммы, ваше благородие. От тех дней, когда вы не позволили колбасе облезать».

Федотов этому не поверил. И тогда Корнушов признался: — Разные господа, ваше благородие, слушают ваше пение у забора, а их лисушка в сад на скамейку, а они мне на чай дают. И никто об этом не знает, ваше благородие».

Прародник Федотов действительно писал романы и стихи: Нет, в нашей шкуре, Попробуй гнаны петь натуре:

Воспой-ка ручейки тогда, Как в сапогах бурчит вода... Иль в шуртке одним в мороз Простой, начальство ожилал. Тогда как палыи, замирая, Не в силах слабо уж держать. Изволь-ка в руки лиру взять, Да грянь торжественную оду На полнучиную природу. Нет, милый, рта не разведешь И вольно песню запоешь. В этой волчьей жизни единственной радостью для Федотова была возможность рисовать. Он рисовал своих товарищей, прохожих. Ходил на вечерние классы Академии художеств и много учился. Портреты Федотова пользовались успехом у его друзей, его рисунки хвалили знаменитый И. А. Крылов. Но когда он показал свои рисунки Брюлову, тот долго разглядывал их, а затем сказал:

«— В ваши годы трудно и, может быть, невозможно овладеть техникой живописи, хотя, может быть, вы сумеете наверстать голы усиленным трудом. Но дома были параны, проверки обмундирования, устав гарнизонный и устав полковой».

Федотову посчастливилось — ему удалось уйти в отставку, и он целиком посвятил себя живописи. Работал утром, вечером и ночью, проверяя рисунок яркими свечами. Через несколько лет пришла слава. «На тригоноичной выставке в Академии в 1848 году появились три картины Федотова: «Святойства майора», «Утро чиновника» и «Разборчивая невеста». Федотов стоял у дверей выставки; он был одет в мундир без эполет, в шляпу с черным пером. Такой костюм носили офицеры в отставке в парадных случаях. В зале выставки от народа было непрерывно жарко. Федотов встал своего друга Жем-

чужникова под руку и повел к картине. Но добротой до нее было далеко... На противоположной стене висела огромная картина «Осада Пекова». Перед брюдовской картиной было пусто.

У Федотова появились деньги и, казалось бы, жизнь налаживалась. О нем много писали. Профессор Леонтьев, например, писал, что у Федотова в картине нет истинно-художественного, спокойно-восторженного мироощущения. Кому нужна эта злоба и сатирическая насмешка, кому нужно это направление? — спрашивал профессор и сам отвечал: в христианском обществе нет для него места». Федотова рвало пензоры и мракобесы. Но это мало беспокоило художника. Он продолжал работать. «Нелепая, месляная сила Федотова, иногда поворачивал все наброски лицом к стене, снова садился перед пустой доской, бумагой и полотною.

«— Не стану ничего делать до тех пор, пока не выучусь писать красное дерево...» — заявлял он.

В работе он находил радость и смысл жизни. С каким упоением художник рассказывает о своей удаче в работе над картиной «Вдовушки». «У меня будто искра заглянула в голову; я не мог спать, я чувствовал в себе силу чрезвычайную; мне было весело; я сознавал каждой жилкой то, что я мог в эти минуты сделать... Как ловко и весело трудиться таким образом...».

Но вскоре наступил конец этой радостной творческой работе художника. В журналах все чаще и чаще ругали Федотова. Издать репродукцию «Святойства майора» запретили. Условно рекомендовали написать картину: «Посещение императором Николаем Павловичем Патриотического Института».

Федотов не выдержал. И в том году,

когда Гоголь съел «Мертвые души», художник оказался в больнице Николая Чудотворца. Больного навестили его друзья: Лев Жемчужников и Александр Бейденман. В бреду Федотов спросил: «Какие вести из Парижа? Засекает ли там Конвент?». Нас было в три кнута, чтобы усмирить. Мой приятель убит. Гоголь тоже умер. Есть ли еще кроме нас живые люди на том свете?

Кругом от всех стенок, обтянутых клееной, был виден след на высоте головы: Федотов бился о стену».

Нестерпимо жаль Федотова. И когда читаешь последние строки о его смерти, то не слезы она вызывает, а сильнейшую ненависть к проклятому прошлому, где талантливые люди находили свой копей в петле и в желтых ломах...

Мы от души благодарим автору за то, что он написал картину, которую можно прочесть,

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ

А. БАРТС

Что надо отнести к несомненно положительным сторонам плана? В первую очередь — разнообразие тем и жанров. Хорошо, что ребята получат сказку классическую — Гауфа, братьев Гримм, Харриса, народную — два тома русских народных сказок под редакцией Алексея Толстого; это будет несомненно большой и важный вклад в литературу для детей. Готовятся в издании интересные книги: «Встреча со Сталиным» и «Через полюс в Америку» Г. Байдукова, «Челюскинцы» А. Лапишевского, «Полос» — М. Володина, «Воздушный флот» — И. Мазурика, «Радио» — Э. Кренкели, рассказы о природе, о животных, лирические и веселые стихи, рассказы для мальчиков В. Житкова о мужестве и находчивости, о борьбе со стихиями, о героизме. Дети получат классическую литературу в больших тиражах — произведения Пушкина, Лермонтова, Горького, Некрасова, стихи Маяковского, басни Крылова; наконец — будут изданы «Сказки о спящей царевне» и «Мальчик с пальчик» Жуковского.

Мы привыкли из года в год видеть в разделе плана для дошкольников и младших школьников один и те же фамилии детских писателей. В 1939 году дадут книжки для мальчиков такие писатели, как М. Пришвин, М. Зощенко, П. Фраерман, Л. Кассиль, А. Кованов. Рыные пелюшки чуть было не оттолкнули Михаила Зощенко от детской литературы, а ведь достаточно вспомнить его рассказы, которые он читал в этом году в Московском Клубе писателей, чтобы понять, как много может дать Зощенко и в области литературы для детей. Несомненно у Фраермана, книги которого очень любят дети старшего возраста, получится интересный и интересный разговор и с маленькими ребятами. Хорошо, что Л. Кассиль, писавший в последние годы для старших школьников, снова начинает писать для мальчишек.

Правильно, что составители плана позаботились и о молодых писателях: будут изданы произведения некоторых авторов, впервые выступивших в этом году в сборнике «Стихи».

Талантливейший детский поэт Е. Благинина, имя которой давно подсказывали Детиздату писатели, выступит в будущем году и со своими произведениями и с переводами из произведений национальных поэтов.

До сих пор из национальных писателей мальчишкам детям был известен едва ли не один Л. Квитко. Теперь они смогут широко познакомиться с творчеством талантливого украинского писателя И. Зибалды, произведения которой давно следовало включить в отдельные мальчишеские книжечки, а большими сборниками. Готовятся к изданию переводы произведений Янки Купалы, Якуба Коласа, Ханы Лавинной.

Теперь — о недостатках плана. Маленький читатель, как и взрослый, любит видеть себя в книгах. Но книг о взаимоотношениях между детьми, об их сопереживаниях с взрослыми, об их радостях и горестях у наших ребят почти нет. В плане 1939 года появился новый термин «бытовые стихи». Не менее важно было бы создать рассказы и повести на бытовую тему. Трудно написать настоящую художественную повесть для мальчишек, в которой рассказывалось бы о событиях их жизни, повесть с завязкой, развитием сюжета и развязкой, богатую по содержанию, полную настоящих наблюдений. Очень трудно написать хорошую повесть в 20—30 страниц, но стремиться к созданию художественной сюжетной прозы для детей необходимо. Пока для мальчишек издаются только большие повести В. Житкова, повесть Е. Шварца «Лето» — о взаимоотношениях старших и мальчишек, брата и сестры, и бытовые рассказы О. Перовской. Это, разумеется, крайне мало.

У младших школьников почти нет книг о советской школе. Над этой темой работают только Р. Фраерман, Л. Кассиль, П. Яковлев, А. Югов. Надо пожелать им всестороннего успеха.

Желание редакторов дошкольного сектора Детиздата дать маленьким политическую книгу — очень ценно. Но хотелось бы больше

ше изобретательности и разнообразия жанров в этой области. Можно было бы, например, дать детям не только очерки и очерковые рассказы, но и книги о путешествиях, исследованиях, научных открытиях и экспедициях, хотя бы в виде дневниковых записей.

Были в детской литературе попытки создать советскую сказку. Но попытки эти пока окончились неудачей.

Детиздату стоит обратить внимание на советские народные сказки, среди которых появились в последние годы немало детских. Издательству надо отыскать их и доставить до детей.

Некоторые недоумение вызывает план в части переводов. Л. Кассиль и И. Рахтанов писали уже об этом в прошлом номере «Литературной газеты». Не так давно Детиздат называл «переводом», потому что руководители его считали более спокойным выпускать апробированную литературу, чем подвергать себя риску издавать новые книги, которые еще бог весть как будут оценены критикой. Грустно будет, если Детиздат сделает теперь ярен в противоположную сторону. Переводы в плане крайне мало. Например, из произведений С. Михалкова переводится «А что у вас?»; «Мы с приятелем» и старый «Дядя Степа» не включены в план. Нет замечательной книги В. Житкова «Про слова». Житкова нужно переводить полностью, нужно выпустить сборник его произведений. Из стихов Л. Квитко переводится только «Письмо Ворошилову». Нельзя аргументировать тем, что книги, которые мы хотели бы видеть в плане переводов, вышли в прошлом году. Их и тогда было недостаточно, и они были распроданы в течение одного дня.

В плане — 337 изданий для мальшей и младших школьников. Можно ли требовать от издательства большего? Но медлительность, с которой Детиздат выпускает свои книги, не раз приводила к тому, что количество изданий, намеченное на год, расплывалось на два. И в плане будущего года мы видим немало книг, которые должны были быть выпущены еще в 1938 году. Остается пожелать, чтобы на этот раз Детиздат осуществил полностью свой план и действительно выпустил все 337 изданий в 1939 году.

Трачича-отакановка фабрики им. Вайсманова в г. Калинин, секретарьница А. В. Морозова, в 21-й годовщину Великой Октябрьской социалистической революции читает лекцию о событиях в районе озера Хасан. На сценке; ученики Ф.И. им. Вайсманова слушают сказ А. В. Морозовой. Фото О. Курьякова.

ДРАМАТУРГИЯ ПРИНЦЕССЫ СУРФУРАН

А. БРУШТЕЙН

На одном совещании по поводу колхозного театра представительница колхозного драмкружка рассказала, что она играла пьесу «Коварство и любовь» Шиллера, где сама она исполняла роль принцессы Сурфуран... На недоумительные вопросы присутствующих она пояснила, что печатного экземпляра пьесы у них не было, поэтому руковод кружка съездила в Москву, посмотрела «Коварство и любовь» в театре Вахтангова и записала, что запомнилось, — это и сыграла. Принцессой Сурфуран, очевидно, обернулась в памяти руковода леди Мальфойд.

В детских драмкружках такой анекдот оказывается самым обычным явлением. Облюбовав для постановки какую-либо пьесу, ребята-драмкружковцы педкой стайкой ходят смотреть ее несколько раз подряд в том театре, в котором она идет, потом записывают и играют. Детская память — острая, свежая; иногда получается похоже.

В Центральном доме художественного воспитания детей всегда можно застать участников драмкружков или их руководителей, переписывающих где-нибудь в коридоре какую-либо пьесу.

Предупреждая неизбежный вопрос о том, почему в наше время дети пользуются такими архаическими способами размножения литературной продукции, приходится объяснять: дети поступают совершенно логично, но каким же еще способом раздобыть литературу, которая нигде не печатается?

В довоенное время на обложке припоминательного «Задуманного слова» издательство М. О. Вольф рекламировало около 50 названий пьес, выпущенных им для детских домашних спектаклей. Среди этих названий было 2 сборника (один — в 700 страниц, другой — в нескольких частях, значит, тоже обильный). Все это вышло в свет одним только издательством Вольфа — а ведь было и другие — и включительно для домашних детских спектаклей, потому что школьные спектакли были явлением не частым, а драмкружки, такие, как у нас, никому в то время еще и во сне не снились.

Число детских драматических кружков у нас чрезвычайно велико. Они имеются в школах, клубах, домах культуры, даже в отдельных жатках, работают не только зимой, но и в парковый и лагерный сезоны. И тем не менее в летящем переде

мною «Перспективным тематическом плане Детиздата» имеется только одно и анонимное указание на предполагаемое издание «10 пьес по 2 листа» с тиражом в 25 тысяч экземпляров. Какие пьесы и каких авторов, — классические (Шекспир, Островский, Гоголь?) или современные, — для профессионального или для самодеятельного детского театра? Почему это отмечено так вкратце, с такой незначительной бездельностью, при которой можно лишь гадать, каковы будут эти пьесы и будут ли они в конце концов действительно изданы? Совершенно естественно возникает вопрос: почему Детиздат считает, что издание пьес, играемых школьными драмкружками перед миллионами советских детей, лишь в такой малой степени является его, Детиздата, делом? Не приходится, конечно, доказывать, что ни записями «на слух», ни размножением на пишущей машинке ни в какой мере нельзя удовлетворить громадный спрос на пьесы для самодеятельного детского театра. Дети играют, в общем, что придется, что попадет в руки, что уместно достать. Ставят «Грозу» Островского, ставят и «Чужого ребенка» Шварца. Не думаю, чтобы тут особенно помогли те анонимные 10 пьес, которые Детиздат собирается выпустить в таком небольшом тираже.

В методическом руководстве, выпущенном Воронежским домом художественного воспитания детей, школьным драмкружкам рекомендуют ставить пьесы Пушкина, в особенности «Бориса Годунова». Соглашусь, однако, что постановка «Бориса Годунова» полностью — дело трудное (насколько нам известно, такая полная постановка была осуществлена немногими театрами), Воронежский дом художественного воспитания особо рекомендует для школьных спектаклей сцену у фонтана. Для облегчения работы школьных-актеров предлагается руководителем проработать эту сцену по кускам. Первый кусок — «Своею деятельностью «Любовь мутит воображение». Второй кусок — «Чего Самозванец хочет от Марини? Третий кусок — Чего Марини хочет от Самозванца? и т. д.

В отличие от Воронежского дома художественного воспитания мы думаем, что постановка пьес классической драматургии силами школьников — дело трудное и не всегда полезное. Современные драматурги — даже драматурги детского профессионального театра — для детской самодеятельности почти не пишут. Да и вряд ли можно надеяться, чтобы стали писать, до тех пор, пока эти пьесы нигде не будут печататься. Поэтому дети пишут сами, пишут пьесы также и руководы детских драмкружков, пишут даже мамы и тети. Иногда — более чем редко — это получается не плохо, часто — трогательно и умилительно по живости и беспомощности, и, в огромном большинстве, всегда не годно. Но все это обязательно где-нибудь ставится, кем-то разыгрывается.

Однако, самое плохое, самое негодное — это, конечно, неумолимая драматургия, а те рукописные пьесы неведомых авторов, которые имеют хождение в детских драмкружках. Находили же руководы — даже в Москве и Московской области — среди ребят текст записанный в тетрадке и дешевой (дешевой!) кое-где пьесы «Правду первой ночи». Детиздату необходимо вмешаться, и вмешаться самым решительным образом, в это важное, но беспробное дело. Он должен в кратчайший срок пересмотреть свой план и включить в него этот, по существу, отсутствующий раздел, тем самым положив конец господству в детской театральном самодеятельности печальной драматургии принцессы Сурфуран...

ПЕСНЯ МОРЯКА
Беззвездное небо и ветер на море,
Туманом сокрытая даль.
От молний зеленых на волном просторе
Блестит корабельная сталь,
Поднимаем, товарищи, якорь тяжелый
И снимем с орудий чехлы —
Ни сердцу стальному, ни песни веселой
Не страшно средь бури и мглы.
Пред строем сплоченным пусть буря
Грозится —
Всем шквалам руля не сломать,
Доверена нашей охране граница
И родины каждая пядь.
Слотимся дружнее. Родня пред нами
Земля поднималась валами.
Колыха, как девушка, красное знамя
В протянутой держит руке.

КЛАССИКИ ТУРКМЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О любви туркменского народа к своим поэтам можно и следует написать целые книги. В самых отдаленных районах республик не найти колхоза, где бы в тесном кругу слушателей не пел бы кто-либо из Кемине, Зелили или из «Зохране и Тагир» Молла Непеса. Старые колхозники-хлопководы, деушныи-коворшныи и бойцы туркменских частей Красной Армии наряду с советскими песнями любят и ценят творения своих классиков. Широкие круги советских читателей, к сожалению, все еще незнакомы с произведениями лучших поэтов-классиков Туркменистана. Впрочем, их книг нет и в туркменском языке. Как ни странно, но до сих пор ни разу не издавались поэты-классики Туркменистана, хотя значительная часть их наследия уже ообрана. Ценнейшие рукописи мирно покоятся в ашхабадских культурных учреждениях, у литературоведов и у собирателей народного творчества.

Так как Туркмения вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции не имела печатных машин, произведения ее народных поэтов, сохранившиеся в рукописях или устных переказах, дошли до нас далеко не в полном виде. Но и сохранившаяся часть классического наследия представляет исключительный интерес.

Наибольшую известность у туркменского народа пользуются произведения Махтума Кули, выдающегося поэта конца XVIII столетия. Прекрасно знавший свой народ, все его нужды и радости, хорошо образованный писатель, Махтум Кули оставил после себя более трехсот стихотворений.

Поэт жил среди племен гокленов, населявшего примерно территорию нынешнего Кара-Калинского района Туркмении. Богатство и красочность языка, формальная законченность произведений и философская их глубина свидетельствуют о том, что Махтум Кули — выдающийся поэт. И он справедливо считается основоположником туркменской литературы.

Религиозные мотивы и элементы мусульманской доктрины в отдельных стихах Махтума Кули никоим образом не характеризуют мировоззрения поэта в целом. И только буржуазные националисты, ссылаясь на религиозно-мистические взгляды классиков, пытались подобыть вредительской болюшевской похоронки и творчество Махтума Кули, стихи которого горят сами за себя.

В глухую, феодальную эпоху Махтум Кули писал:
Судья, судийши именем святого,
Для полношней руки прострает.
У шахов нет правдивого ренеша;
За греш мулла продал благословеня,
Зная, это — признак светопреств-
ленья,
Без покаянья грешник умирает,
Бедняк лицом желтеет и белеет,
Кто покровителя нашел — жиреет;
Зад выпития, гнут бедных лякодев,
С кнута их кровь струится

начинает.
Своеобразное место в туркменской литературе занимает поэт первой половины XIX века Молла Непес. По дошедшим до нас скудным источникам можно судить, что он жил в Мургабском оазисе, в одном из аулов, близ Мары.

Молла Непес считается непревзойденным мастером любовно-лирического жанра в туркменской поэзии. Ему же принадлежит произведение «Зохране и Тагир», которое дошло до нас и в форме романа и в форме трагедии. Это — поистине гениальное произведение о любви, о свободном, не знающем препятствий проявлении человеческого чувства. Оно стоит в одном ряду с гениальными поэмами — «Лейли и Меджнун» Низами и «Фатима и Ширин» Новаи.

Роман написан стихами, перемежающимися прозаическими вставками. Стихотворный текст «Зохране и Тагир», в котором более двух тысяч строк, написан с несравненным мастерством и огромной силой поэтического чувства.

«Зохране и Тагир» — настолько популяр-

стихотворениям пальцами, в которых они держали усачицеские тетради.

Обойди город с юго-востока на запад,
Мы снова вышли к Заходьору.

— Боторый час? — спросил Лубсан-Дорджи.

Я ответил.
— У нас еще есть полчаса времени, — сказал Лубсан. Он посоветовал зайти куда-нибудь подкрепиться.

— Совершили отличную прогулку, — сказал он.
— Жаль, что она так быстро окончилась.

Лубсан указал на начинавшую темнеть дорогу с автомобилями, один за другим шедшими к площади Сухо-Батора.

— Это можно увидеть только в большом городе, где обитает правительство, — сказал он гордо.
Проходя площадь, он долго говорил о просторном каменном-бренчатом Улан-Баторе, где революция борется с буддизмом, наука — с мистикой, электричество — с курдическими свечами.

Столовая, куда мы зашли, находилась в безмятежном оазисе центральной равнины. Там было шумно и тесно. Мы заказали многолюдный китайский обед, заправленный черным огненным соусом. Посетители столовой сидели за маленькими столиками; некоторые с женами и детьми. Я никого здесь не знал. Лубсан-Дорджи по мере сил обаял мне: вот, например, почтенный на вид, толстый, неубоивый человек с красным, точно выкопанным из свеклы, лицом — это член народно-революционной партии, сражавшийся против Угрина на берегах Селенги. Потом он служил под начальством покойного главнокомандующего Сухо-Батора. Теперь он педагог и литератор.

Или вот этот, который сидит с левого края. Какая неприятная внешность! Небольшой буддист — битая, шишковатая голова, жирные скулы с бледным слюняным налетом и вылые, желтые на животе руки.

3. ХАЦРЕВИН УЛИЦА

Отрывок из книги «Улан-Батор»

После в Гоби откладывался со дня на день.
И все еще жил в Улан-Баторе, столице революционной Монголии. Дождь, мучивший нас целый месяц, внезапно прекратился, и наступила ясная осенняя погода. Теперь можно совершать долгие прогулки за черту города, в ущелья Богдо-Улы, где воздух был чист, как в горах Байкала. Вершины осенен на бого-ульских склонах в полдень были черны, а к вечеру становились золотисто-рыжими. По смею этих красок улан-баторцы могли проверять свои часы.

В прогулках меня сопровождал Лубсан-Дорджи, мой учитель монгольского языка. Забрав запас дневной провизии — холодухи баранушу, овощи и крупы, мы отличу отдыхали на лесистых склонах Богдусульской долины среди парусовидных дачных шатров, на которых был водружен герб республики.

На обратном пути я обычно выходил на Каганский тракт. По вечерней дороге, окруженной бурными холмами, навстречу мне встречались открытые грузовики с пассажирами, густо обсаженные серой пылью Востоцкого Гоби.

Шоферы — большей частью молодые монголы — с веселым высокомерием глядели на шагающих в пыли пешеходов; не выбирая дороги, они с катастрофической скоростью неслись вперед к мальчишеским шатам сточанным огням.
Именно в те дни, рискуя быть обвинен-

е ног и раздвоенным, я привывал к степным правам монгольских шеровер. Я не забуду укажу трамвайную ленту, по которой в тротуар беспорядочно проносились нагруженные доверху двухколесные грузовики, эти слоны автомобильного царства, сильные министрские ликушныи, терпеливые форды, обмотанные резиновыми вышками, пробегавшие желтые лошади и двигавшие обозные быки, задумчиво переворачивавшие свои волосатые ноги.

Во время этих прогулок Лубсан-Дорджи обучал меня монгольским названиям встречавшихся на дороге предметов. Табличней новых слов служила нам сама природа. Вскоре с грехом пополам я мог спросить у прохожего: «Куда ведет эта тропинка?» «На какого монастыря?» «Не повезает ли меня в Улан-Батор-Хото?»

Эти несколько монгольских фраз составляли предмет моей лингвистической гордости. Тем более, что Лубсан-Дорджи не любил выступать в качестве переводчика. Но когда приходилось пребывать в его помощи, он делал скачущее лицо человека, которому часто надоедают. Он переводил только то, что его лично занимало. Меня он в расчет не принимал.

За исключением этого маленького недостатка, Лубсан-Дорджи был отличным мальчишкой. Он принадлежал к младшему поколению монгольской революции, был прямодушен, правдив, энергичен. Ему уже не пришлось с малых лет окунаваться в темную воду буддийской философии.
Он был холост и собирался жениться на молодой провинциалке из Монченкоопа, возмужавшей белый берет.

В разговорах со мной он вечно шутил «адраствуйте» и «до свиданья». Лубсан-Дорджи горячо любил свою невесту, но из скромности не высказывал этого вслух. Через три месяца должна была состояться их свадьба, затем они собирались поехать в степь Арахантейского аймака, где воевали его родители. Втайне от всех Лубсан-Дорджи готовился к семейной жизни. Он самоотверженно приобретал хлеб, кастрioли, котлы для варки баранины, веревочные подстилки, шесты для

летней круты, проволки, подушки и другие предметы, необходимые для прочного счастья. У одного приезжего он торговал гнетую кобылу. Не знаю, сошлись ли они в цене.

В одно из воскресений я уговорился с Лубсан-Дорджи пойти в гости к парикмахеру местного китайского театра Чжиримту, расквашенку и танцюру. Мы условились встретиться в конце дня, в отделе готового платья Монченкоопа, где работала невеста Лубсана.

Я застал их втроем: двое вешалок с кожаными пальто. Как всегда, они о чем-то таинственно шептались.

В соседнем помещении толстенная уборщица старательно подметала мусор. Высокие колонны пыли громадилось на фоне раскрытого окна, в которое бил желтый закат.

Увидев меня, невеста Лубсан-Дорджи слегка смутилась. Лицо ее покрывало смуглой бледностью, а уши стали пурпуровыми. Она по обыкновению спугнула русское приветствие и сказала «до свиданья», вместо «адраствуйте». На ней был будничней халат из туеской ткани, которая называется «даебара».

Магазины закрывались. Только последний покупатель, повзрослевший провинциал, худой, длинноногий человек, с наивным лицом, пробирался к выходу. В одной руке он держал повзрослую узачку, а в другой сверкающий эмальювавший чайник.

— Ты кто? — спросил его Лубсан.
— Моя фамилия Гончичаев, — с достоинством сказал покупатель. — Я приезжий.
— Зачем ты приехал?
— Повидать нашу столицу. Походить по ее улицам.
— Счастливых впечатлений, — сказал Лубсан.
— И вам... — ответил приезжий. Он поклонился и пошел по направлению к дверям, с интересом глядя по сторонам. Он не скрывал своего восторга перед монченкоопскими чудесами.
На улице было влажно, ветрено и горячо.

— Чжиримту ждет нас в девять часов, — сказал Лубсан-Дорджи.

Мы шли не торопясь. Солнце уже опускалось, и крыши монастырей были ярко-красные; мы шли вдоль оград, за которыми высились большие юрты и раздавался собачий лай; волье «байшинов», оштукатуренных юмтжов китайской стройки, деревянных стубов с развешивавшимися вестеде молитвенными флагами, маленьких педальных заводчиков, откуда выпрыгивал жарный остро пахнувший дым; мимо глядели с леховым знаком утюга, сложивших мастерских, где у входа сидели ремесленники и пили чай из маленьких толстых стаканов.

Вскоре показался Заходьор — монгольская Сухарева — с бесчисленными ларьками торговцев, где пролазала одежда, череседельники, книги, бумажные изображения иконов, фарфоровые флаконы, табакерки, горшки из разовветной глины и многое другое; мы прошли вазеобразного стражника, разговорившего с молодой скучливой красавицей, одетой в синий шелковый халат; мимо группы дам, со связями вилот торгованных на углу; мимо лошадей, привязанных к частоту, и разовветных автомобилей, с трудом пробравшихся в узкий тротуар. Потом мы спустились к берегу Толы, где было пустынно и тихо. Владеж вылился огромный травяной луг, предназначенный для народных празднеств. Там строились выставочные павильоны. Двое борцов, по-мелкее налетая друг на друга, тренировались в своем искусстве. Мы прошли центральную торговый район, обогнули монастыри: сначала Гандан, затем Цэу-Хурэ, минарвалы храм Майдары, где, по подсчетам ученых, находится шесть тысяч будд аккурватной польской работы с их фабричной выделанностью, воспринимательностью, святостью; повернули в Подовинке — за углом, в нижнем этаже белого дома помещалась школа для взрослых. За партами в странном еленинги сидели усатые пестушки, монастырские служки, бросившие служение будде, конюхи стальных табунов, бывшие рыночные шарлатаны, мойщики вож в огромных фаруках и рабочие-салотопы с твердыми не-

Лубсан-Дорджи говорит мне, что это ученый монах из монастыря Манзушири.

— Вредный и подозрительный человек! — прошептал он мне на ухо.

Или молоденькая, сияющая воле меня монголка. У нее фигура спортсменки и худенькое милонное лицо с внезапными ямочками, когда она смеется. «Она отличная наездница», — говорит мне Лубсан-Дорджи.

Она взяла первый приз во время конских состязаний на празднике «надам». Это она, провинциалка из далекого степного района, в беседе с сотрунником столичной газеты «Унэн» сказала: «Когда понаблюдаете за жизнью республики, а я мой конь будем несомненно!»

Вверх появился Гончик, командир монгольской армии; плотный, коренастый солдат в гимнастерке цвета хаки. У него неуклюжая грация кавалериста.

— Смелый человек! — сказал Лубсан-Дорджи. — Герой! Храбрый монгольский легион! Он участвовал в деле у Хара-Пор, когда японцы напали на нашу пограничную аэстау и были отброшены назад.

Командир заказал себе овощи и кусок холодной баранины. Он ел с достоинством, не спеша, как человек, много потрудившийся в своей жизни.

Мы расплывались и вышли на улицу. Небо было в тумане от жарких испарений.
— Прямо в театр? — спросил Лубсан-Дорджи.
— Да! — сказал я.
Пройдя темными улочками Заходьора, мы вскоре очутились у ворот местного китайского театра. Люди, пришедшие на спектакль, входили во двор, где стояли лотки, освещенные высокими керосиновыми лампами. На лотках пролазили конфеты, сладкое тесто и минальи. Среди публики было много накрашенных арисок — так называются женщины, рожденные от китайца и монголки.

Спектакль уже начался. В тот вечер давали «Семь печальных добродеев» — классическую феерию с пеннем и танцами.

«Конек-Горбунок» у С. Образцова

Что за престель эти сказки!
Каждая есть поэма.

Умная, веселая, озорная сказка Ершова поставлена в театре марионеток. Кукловодная сцена по самой природе своей как бы предназначена для того, чтобы оживить сказку. В распоряжении театра движущиеся, жестко подвижные куклы, куколки, говорящие человеческим языком, способные на глазах у зрителя к чудесным превращениям — то есть куклы сказочные.

Насколько помню, уже была попытка инсценировки «Конька-Горбуна» в Ленинградском ТЮЗ; спектакль оказался неудачным, ремесленные руки коснулись классического текста, страстно любимого Пушкиным. Сказка поблекла, повяла, искажалась.

В театре С. Образцова «Конек-Горбунок» сохранил весь свой аромат. В Курдюмовом придумал сказку форму пьесы. Он сохранил около 500 строк Ершова, около 500 строк написал сам голосом Ершова, то есть на ершовском словаре и рифмах, написал их впопыхах в природе ершовского стиха. Около 80 строк транспонированы, переведены с ершовского языка на язык диалогов.

Сцена: царь посылает Иванушку за Парьевшей. Иванушка упрячется, не хочет врать. Царь грозит:

Не достанешь Парьевшицу
В нашу парковую светлицу,
То, князюса бородой,
То, князюса бородой,
Не останешься живым!
Посажу тебя и на кол.
Знай, колоп! (Иван уходит понурый).

СПАЛЬНИК. Глади, залпакал,
Легче звезд набрать в полу —
Насидится на колу!

Первые пять строк принадлежат Ершову, последние четыре — Курдюмову.

Пример транспонирования; у Ершова в самом начале сказки:

Мужички такой печали
От рождения не видали.
Стали думать да гадать —
Как бы вода им поить.
Курдюмов переводит на язык театра:

ГАВРИЛА. Мужички, такой печали
Отродясь мы не видали.
ДАНИЛО. Как бы вода согладать?
СТАРИК. Что тут думать да гадать
и т. д.

Условия детского театра понудили прибегнуть к сокращениям, к смене места действия. Отпал эпизод с Жар-птицей, эпизод на базаре, где ресторанные братья Ивану ловились продать золотых копей. Но эти неизбежные сокращения сделаны продуманно и не обидели сказки; она стала короче, но не хуже.

Так построен текст, и театр проявил много вкуса и фантазии, чтобы во славу

поставить его на кукольной сцене. Изобретательность постановщиков С. Образцова и В. Новикова, мастерство художника Добрышевского, музыка Оранского, блестящее искусство режиссера куклы Н. Солнцева, мастерское чтение стихов Т. Ревазовым, Шульц, Курдюмовым, Бойко, Кузешовой — все это имело бы полноту, если бы театр не сумел передать главного: народного духа сказки.

Пушкин знал, что в песенном и сказочном наследстве, в первоначальных играх народного духа заключена история нашего народа. Горький, благоговейный пенитель Пушкина, писал о нем как о первом поэте, который «обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая — в угоду государственной идеологии» — либеральным тенденциям придворных поэтов; он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу».

Сказка Ершова имеет те же пушкинские истоки: народное творчество, народные сказки. «Конек-Горбунок» проделал триумфальный путь от 1834 г. до наших дней, войдя в сокровищницу русской литературы. Показал ли театр «смысл и силу» «Конька-Горбуна»?

Иванушка. Любимый герой русской сказки. Лурчок. «Вовсе дурак». Каждый его обидит. Но... удача во всем сопутствует ему. Умничок он обводит вокруг пальца, злодей ходит перед ним в дураках, все светлые силы природы на его стороне. Выходит не дурак, не растрепан, но человек, полный душевных и физических сил, восприимчивый простачка как оружие против гнета и насилия темных сил действительности.

Театр понял символику сказки. Успех Ивану и Конька-Горбуна определяет успех спектакля.

Можно бросить упрек в том, что парьевшей добродушен, что борода у него домашнему веселая, что самодуство и тираниство еще как-то мягкотво подают. Зрительно жалко, что сварились в котле такой безобидный старичок. Можно упрекнуть театр и в том, что Парьевша — добыча Иванушки и будущая подруга его счастья — не столько сказочная красавица, сколько девушка-матери в духе лунных лев Контарбюского. Часто спелу заливае слишком сильный, слишком густой, слишком мрачный свет — гасит веселую жизнерадостность сказки.

Но в целом, говоря стихами Ершова:
Сердцу люблю! Я там был,
Мед, вино и пиво пил,
По усам хот и бежало,
В рот ни капли не попало.

И корректив к стихам: «сплоная» капля своеобразного, детского-милого, «сказочного» искусства.

АЛЕКСАНДР ДРОЗДОВ.

Народная артистка Союза ССР, орденосица А. А. Яблочкина

А. А. Яблочкина К 70-летию со дня рождения

Сегодня, 15 ноября, советская театральная общественность отмечает 70-летие со дня рождения народной артистки Союза ССР, дважды орденосица Александры Александровны Яблочкиной.

Этот юбилей совпадает с 50-летием неразрывной творческой связи выдающейся актрисы с Малым театром.

Весной 1886 г., вдохновленная Г. П. Федотовой, робкая ее ученица, 18-летняя Сая Яблочкина впервые явилась в Малый театр на «пробу» молодых сил, устроившую начальником театрального училища А. П. Островским. Посмотрев юную Яблочкину в роли Софьи во втором акте «Горы от ума», знаменитый драматург, не колеблясь, благословил ее на сценический путь. С тех пор более чем полувековая творческая жизнь А. А. Яблочкиной связана со сценической историей бессмертной Грибоедовской комедии.

Осенью 1886 г. Яблочкина впервые выступила на сцене театра Корша — в роли Софьи. В 1888 г. она дебютировала в Малом театре, сыграв Софью в спектакле, в котором Фамусова играл Ленский, а Чацкий — Южин. Более двадцати лет Яблочкина была, по общему признанию, лучшей исполнительницей роли Софьи на сцене Малого театра. В 1911 г. Яблочкина перешла на роль Натальи Дмитриевны, а в последующие годы она стала играть Хлестову в том же «Горе от ума». Эту роль Александры Александровны исполнил и сейчас в новой постановке Малого театра, премьера которой состоится послезавтра.

Несколько сот ролей сыграла А. А. Яблочкина, неизменно восхищая зрителей мягкостью своей игры, ее простотой и лиризмом. В современных пьесах А. А. Яблочкиной приходилось со сцены воплощать образы представителей старого, уходящего мира, и артистка не раз печалилась о том, что наша драматургия не дала ей материала для создания образа по-настоящему советской женщины, роли, в которой она со всей искренностью и силой своего темперамента могла бы выразить мысли и чувства нового, советского человека.

На протяжении всей своей интенсивной творческой деятельности А. А. Яблочкина неизменно принимает активное участие в общественной жизни.

Вспоминая об ее молодых годах, В. И. Качалов писал, в связи с 50-летием сценической работы актрисы, что «в те годы она уже была любимой молодой, студенческой, помогала революционным кружкам, была инициатором множества концертов в пользу подпольных революционных организаций».

А. А. Яблочкина и в наши дни не оставляет своей кипучей общественной деятельности: она охотно выступает в рабочих клубах, в студенческих аудиториях, она выезжает в колхозы, она ведет большую общественную работу в качестве организатора и бессменного председателя Всероссийского театрального общества.

Советская страна высоко оценила вышнюю заслугу А. А. Яблочкиной. Правительство присвоило ей звание народной артистки Союза ССР и наградило ее орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Творчество Нико Пироманишвили

На полотне изображен одинокий, замученный, полуживой человек. Его голова судорожно откинулась в стене убогого полавала, глаза закатились, худые ноги беспомощно согнулись на голом полу.

Так кончалась двадцать лет назад, при мельницах, в Тифлисе горестная жизнь замечательного грузинского художника Нико Пироманишвили.

Художник-орденоносец Ладз Гуднашвили создал жуткую, правдивую картину. Пироманишвили умер, как и жил, нищим. Нико не знает жад, где находится его могила. Многие произведения талантливейшего живописца бесследно исчезли. Но все же свыше 200 работ собрано сейчас в тбилисском музее «Метех». Они производят сильное впечатление.

Талантливый художник нигде не учился, это был настоящий самоучка. Он писал обычно на черной клеенке, красил, делал сам. Он был малорасчетлив, и под картиной, свидетельствующей о настоящем мастере, ее автор едва мог напарашать надпись: «Рабоник украл лошадь».

Композиция картин Нико Пироманишвили, за редким исключением, несложна. Порою он проявлял незнание анатомии или перспективы. Но чаще всего этот художник обнаруживал подлинное, верное и неповторимо-своеобразное мастерство. В живописи Пироманишвили мы находим умение отыскивать характерные детали, лаконичность выражения, прекрасный ритм. Огромный, грузинский темперамент чувствуется в каждой его картине.

Некоторые грузинские декаденты, разгневанные в свое время мепетов, сделали все, чтобы искazać облик художника. Они произвольно приписывали ему мистический, умутиривали в его творчестве намеки на «потустороннее». Пироманишвили же в действительности был настоящим художником-реалистом, он обладал мощным, здоровым дарованием и горячо любил свой народ. Основой творчества этого художника-самоучки, кахетинского крестьянина, было грузинское народное искусство. Замечательные грузинские живописцы, создатели фресок Упис, Михета, Гелат, Бетания, Кипчива, — вот у кого учился Нико Пироманишвили. Обладал огромной наблюдательностью, любя жизнь, он создавал картины, исполненные большой реалистической силой.

Народность, демократизм и гуманизм — вот что прежде всего характеризует творчество этого выдающегося грузинского художника.

Каких тонким пониманием крестьянской жизни проникнуты его деревенские пейзажи и жанровые картины! Как умело изобразил он залитый солнцем крестьянский

дворик с домашней птицей, молотбу или веселые народные праздники, шны во время сбора винограда!

Вот стоит, как живой, наупленный старик-дворник. Вот согнул свою спину изкорыстный муш под большим бурдюком с водой. Вот идет в войдя иппа с дочерью и сынишкой.

Пироманишвили замечательно метко и верно подмечал специфические особенности зверей и любовно изображал их на своей черной клеенке. Хороши его пухливые ланы, олени, дохлятые мекеди, отнеглазные лвы и даже жираф, которого он никогда не видел наяву. А с каким мастерством писал Пироманишвили пейзажи родной Кахети, какое замечательное у него тбилиское небо с лунной, глядящей через кудрявые облака. Художник оставил нам прекрасные натюрморты.

Историческая живопись Нико Пироманишвили («Саакадзе спасает Грузию», «Парца Тамара» и «Шамил») и его попытки иллюстрировать классическую грузинскую литературу были значительно слабее.

Большую часть своей жизни Нико Пироманишвили провел среди «мокалаке» — горожан старого Тифлиса, мелких торговцев и ремесленников. Выполнив их требования и заказы, Пироманишвили то с большой экспрессией писал групповые портреты пирующих горожан, то изображал умирительного «пашаляго барачка», то рисовал на жесте «завлекательные» вывески для луханов.

Ему приходилось работать наспех, где придется, часто — в грязном духане среди пьяных, получаю за работу лишь ужины с вином. Не имея средств к существованию, он иногда напичкавал даже адреса домов на уличных фонарях. Старое «Общество грузинских художников» лишь за два года до смерти Пироманишвили удоуужило потратить на приобретение нескольких его картин... 58 руб. 20 коп.

Советские посмертные выставки картин Нико Пироманишвили имели огромный успех и в Тбилиси, и в Москве, и в Ленинграде. А между тем его картины, национальная гордость Грузии, несколько лет подряд лежали свернутыми в недрах Метехского музея.

Осматривая творчество Пироманишвили, я спросил директора Метехского музея:

— Теперь уж вы, конечно, сделаете выставку постоянной?

— Мы сами очень этого хотим, — ответил он. — Но, к сожалению, у нас нет подходящего помещения.

Не пора ли наконец создать просторный и светлый музей Нико Пироманишвили?

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

ЩЕПКИНСКИЕ ДНИ В МАЛОМ ТЕАТРЕ

17 ноября исполняется 150 лет со дня рождения Михаила Семеновича Щепкина. Великий русский актер проработал в Малом театре 40 лет. Несколько поколений артистов этого театра были его учениками.

Малый театр в ознаменование юбилея М. С. Щепкина дает 17 ноября премьеру «Горе от ума». А. С. Грибоедов в постановке народного артиста СССР П. М. Садовского, народного артиста РСФСР Н. Я. Сулакова и заслуженного артиста РСФСР С. П. Алексеева.

В главных ролях: народный артист СССР Пров Садовский (Фамусов), М. Парев (Чацкий), К. Тарасова (Софья), заслуженная артистка РСФСР С. Фалеева (Лиза), Михаил Садовский (Молчалин), Игорь Ильинский (Загорецкий), народная артистка СССР А. Яблочкина (Хлестова), народная артистка СССР В. Рыжова (графиня-бабушка), народная артистка РСФСР Е. Турчианинова (княгиня Турухоуаская), заслуженный артист РСФСР Н. Соколов (Сквозной), народный артист РСФСР Н. Светловидов (Репетилов). Художник спектакля — заслуженный деятель искусств, академик Е. Лаврер.

В фойе Малого театра будет открыта выставка, посвященная жизни и творчеству великого русского артиста. К юбилей-

ным дням выйдет специальная брошюра, посвященная Щепкину и постановкам «Горе от ума» в Малом театре.

17 ноября в Курск, а затем в село Красное, где родился М. С. Щепкин, выедет делегация работников искусства для участия в щепкинских торжествах.

25 ноября днем в Малом театре состоится торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения М. С. Щепкина.

Издательство «Искусство» к щепкинским дням

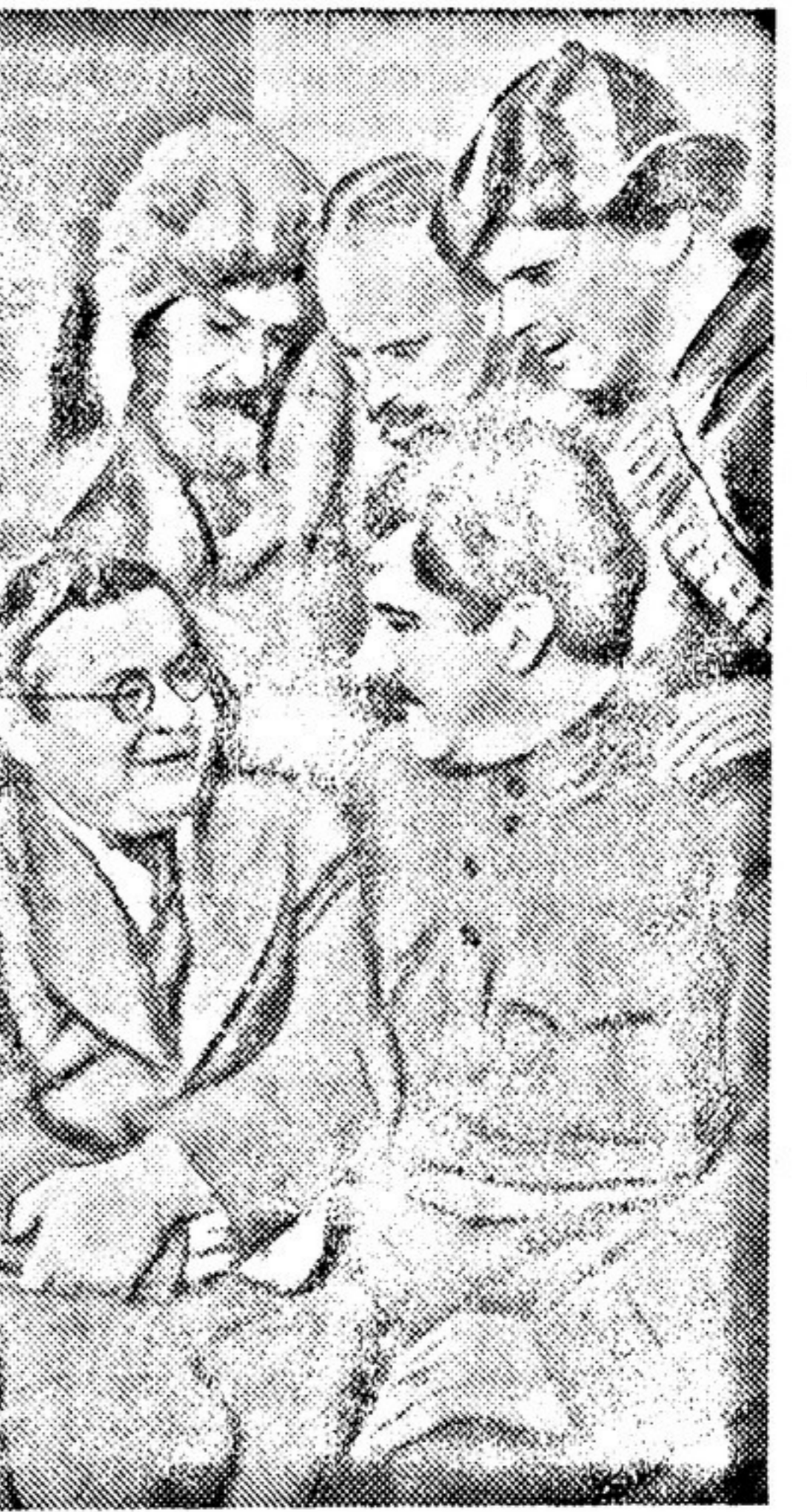
К 150-летию со дня рождения великого русского артиста М. С. Щепкина издательство «Искусство» выпускает новое издание книги «Записки артиста Щепкина», с комментариями и примечаниями А. Лермана. Книга иллюстрирована портретами Щепкина работами художника И. Е. Репина и поэта Т. Г. Шевченко.

К этим же дням выйдет книга Д. Тальникова «Система Щепкина» — о творческих методах гениального основоположника реализма на русской сцене.

12 ноября в Центральном Театре Красной Армии состоялась премьера пьесы Всеволода Иванова «Голуби мира» в постановке режиссеров В. П. Пильдына и Д. В. Тукелья.

На сценке — Всеволод Иванов среди актеров ЦТКА исполнивший в его пьесе роль командира народно-революционной армии и партизанских отрядов. Слова от автора: заслуженный артист РСФСР А. П. Хованский (Ворожоб), справа — артист О. Н. Фрелих (Колтыгин); во втором ряду, слева направо: артисты И. П. Воронцов (хозяин гостиницы Тыхнов), В. Н. Нечаев (Нагребелов), заслуженный артист РСФСР В. М. Афонин (Пнев) и В. Н. Ратомский (Имяко).

Фото С. Шингарева.

ВИКТОР ФИНК «МАРСЕЛЬЕЗА»

14 июля 1789 года герцог Ларш-Фуко-Ланкур сообщил королю Людовику XVI, что народ Парижа взял Бастилию.

— Что это — бунт? — спросил король с недоумением.

— Нет, ваше величество, — ответил Ларш-Фуко, — это революция.

Кинокартина «Марсельеза», мастерски поставленная Явом Ренуаром, начинается именно с этого эпизода. Король лежит в постели. Он в ночной сорочке, отдаленной кружевами, волосы у него завязаны шелковым платком с узелочками. Вокруг суетятся приворные. Входит герцог.

— Дорогой мой Ларш-Фуко! Вы пришли во время. Я как раз проснулся от голода. Все из-за охоты. Мы сегодня гоним материю оленя. Он становится все более редки. Пикар, дай-ка мне в постель маленький столик! Дорогой Гемез, вайте мне бокал вина! Дорогой герцог, переоденьте ка мне этого пыльника. Вчера вечером Пикар отодвинул его от меня слишком далеко. Пикар думает, что если я король, то у меня должны быть длинные руки. Какая ошибка, Пикар! Какая ошибка! Ну, что нового, герцог?

Короля изображает Пьер Ренуар, брат режиссера. Он попросту бесподобен в своей роли. Каждое его появление на экране волнует. Это — громадный артист.

Зритель не забудет замечательной сцены в Тюльери 3 августа 1792 года. На революционную Францию налетают интервенты: австрийцы и пруссаки лгут под командой герцога Брауншвейгского. Герцог уже вторгся во Францию. Он опубликовал обращение к народу. Он грозит французам пожаром и разорением, если они не вернутся в лояло повиновения своему монарху. Во дворе заседание. Король, королева и министры обсуждают вопрос — надо ли опубликовать такой страшный манифест. Король — против.

— Мне представляется неудобным видеть наши имена под манифестом, который содержит такие угрозы по адресу наших же подданных. Это отнюдь не укрепит нашу популярность.

Но министры настаивают на опубликовании. Королева тоже.

— Пусть поскорей наступит мятель! Пусть штурмуют дворец! Мы можем рассчитывать на швейцарцев и дворян. Революционеры, быть может, во дворе войдут, но живыми они не выйдут. Это исторически будет концом роковой комедии.

Король возражает.

— Плохо то, что в этом спектакле мы еше и действующие лица. Это гораздо менее удобно, чем быть зрителими. Хорошо нашему дорогому кузену, императору австрийскому. Чем он рискует? Во всяком случае не головой. А какая перспектива для него — войти в Париж победителем!..

После небольшой паузы король возбужденно кричит:

— Самое неприятное во всей этой истории, это — то, что я буду вынужден пригласить его на охоту.

Королева. Ну, что ж, это вполне естественно.

Король. Он плохо стреляет! Мне говорили это его величество ваш покойный брат и его министр Кауини.

Королева. Как можете вы верить словам человека, который чистит себе зубы и еще какалы лезть?

Король. Я уверен, что эта странная привычка очень полезна для здоровья. Ведь моем же мы руки? Почему же не чистить зубы? Если бы не все эти неприятности, свалившиеся на меня, я бы, пожалуй, тоже попробовал зубную щетку.

Королева. И все-таки мой племянник, император австрийский, стреляет хорошо.

Король. Он стреляет плохо. Вообще теперь больше не умеют охотиться. Загорячи ставит вам лич, как келья под шар!

У королевы набухают глаза, она капризно встает и направляется к выходу.

Король бежит за ней: — О, сударыня!

Королева. Ваше величество, должно быть,

очень мало меня любите, если при посторонних так говорите о моем родственнике.

Король. О, сударыня! Я умоляю о прощении, хотя не заслуживаю его. Это все из-за охоты. Временами я забываю формы, подобию моей сердечной нежности. Господи, опубликуйте манифест герцога Брауншвейгского, — говорит он министрам.

Исторический вопрос решен.

И вот как она пишется, история.

Посмотрим, как изображенный Ренуаром король с жадным аппетитом ест, как он вкушает пьет, как он счастливо выхитрит и потягивается в постели, как он сосредоточен на всем этом, посмотрим, как и пол какими влияниями он решает важнейшие исторические проблемы, и на минуту вспоминается образ добродушной наивно-сти, который придала последнему буржуазная историческая наука, образ человека мягкотелого, «король-тофия». Именно этим мезельным свойством его характера пытались объяснить, почему он был последним. Э, если бы он сумел быть твердым! Если бы у него был, ну, хотя бы, Эдуард Лададь! Да никакая с роту революция не получила бы дальнейшего развития. Бастилию живо отстранили бы заново, во дворе крепости пообурбали бы головы всем виновным парижанам, невинных посадили бы за решетку, и все было бы хорошо.

Но король был тофия! Вот в чем погубил! Что вы прикажете делать с тофияком? Такие и сами гибнут и, погубая, увлекают других!..

Но громадная заслуга Ренуара в том, что он сумел показать не просто беспомощного человека, а монарха, как изжившую себя и потому обреченную социально-политическую силу.

Восставший народ, его гневная решимость, отчаяние, движущие им, показаны так убедительно и ярко, что каждому становится ясно, почему судьба монархии выпала из рук монарха, почему она не могла бы им быть удержана, почему на семи пладах во лбу. Эту судьбу в свои руки ваял народ, грозная сила, перелом которой и хитрость и глупость равны в своем ничтожестве. На всем лежит такая тяжелая печать

неправильного, король и монархия настолько лишены возможности что-нибудь менять, что обреченность режима предстает, как единственно возможное и единственно закономерное решение исторических вопросов.

Народ — вот его главное действующее лицо в картине. Будущий народ Парижа, горячий и гневный народ Марселя, вся Франция, которая труслилась тогда и трудится теперь, изображены автором картины (он же автор сценария) как главная сила, которая в исторические минуты решает все.

В Марселе в июне 1792 г. организуется батальон волонтеров для борьбы с интервентами. Волонтеры ставят себе, однако, четкую задачу: раньше добраться до Парижа и там покончить с тем, что ради восстановления своих сословных привилегий вызвал интервентов и отдал им родину на потоп и разграбление. Батальон пускается в путь с новой песней на устах. Ее только что сочинил в Страсбурге некий Руже де Лиль. Она многим нравится. Марсельцы делают ее своим гимном. Так возникла «Марсельеза». Батальон пересек Францию и пришел в Париж. Здесь его с ликованием принимает население предместьев. Сцена вступления батальона в Париж, кстати сказать, исполнена с совершенно исключительным и незабываемым мастерством. В первый же день у марсельцев происходит уличная стычка с аристократами. Атмосфера в городе, видимо, накалена до предела. Герц неслетю. 10 августа 1792 года, народ штурмует королевский дворец. В жарком бою с швейцарцами и дворянами народ овладевает дворцом. Король уходит в Национальное собрание. Он объявляет его низложенным. Назначены выборы в Конвент. Но отечество в опасности, и революционный народ уходит на фронт спасать свою родину, преданную и проланную аристократами.

Впереди была еще великая борьба, страдания, муки, предательства. Оближенные потчища всего мира еще не успели сломить революционеров, восстановить монархию и надолго задушить революционное движение. И все же Великая французская

революция победила, и жизнь целого столетия была наполнена ею.

— Еще далеко до этого холма Вальми? — спрашивает один солдат другого.

— Должно быть, вон тот пригорок, на котором мыльня!

Это была та самая деревушка, у которой произошла первая встреча интервентов с народом, обороняющим свои отечества. Интервенты отступили. Гете, присутствовавший при сражении в штабе герцога Брауншвейгского, сказал тогда пророческие слова:

«В этом месте и в этот день началась новая эра в истории мира».

Солдаты разговаривают между собой на ходу:

— Если даже пруссаки разобьют нас, они не разобьют того, что мы принесли миру. А ты что думаешь?

— Я думаю, что двадцать тысяч рабов и пять тысяч предателей, которые торчат ныне впереди, против нас, никогда не справятся с двадцатью миллионами свободных людей. Да здравствует свобода!

Картина сделана с тем глубочайшим мастерством, с тем глубоким чувством, которые присущи Яву Ренуару и создают ему исключительное место среди деятелей современной французской кинематографии.

Интереса история этой картины. Она — порождение народного фронта.

Народный фронт, разлившийся из долгой, горячей и напряженной борьбы, стал началом новой эры во всей жизни Франции — в экономической и в социальной, и в культурной, и попросту в быте каждого дня, и эта новая эра складывалась не в пользу имущих классов.

Социальные завоевания пролетариата и крестьянства дали возможность миллионам людей пробиться к культуре. Стали возникать дома культуры, рабочие клубы, народный театр, левые журналы. Все это было громадной манифестацией воли народа к культурной жизни.

Тогда же возникла мысль создать кинокартину, которая воплотила бы в художе-

БЕЗ ПЕРЕМЕН

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Мы уже сообщали в «Литературной газете», что в январе 1939 г. исполняется 125 лет со дня открытия первой русской публичной библиотеки — Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Советская страна гордится своей старейшей библиотекой, одним из величайших книгохранилищ в мире, игравшего и играющего огромную роль в нашей культурной жизни. Предстоящий юбилей — большой праздник советской культуры, и, казалось, что Наркомпрос давно уже должен был развернуть подготовку к 125-летию ленинградской публичной библиотеки. Но в Наркомпросе не спешат...

Восемь месяцев назад в Наркомпрос была послана докладная записка, в которой излагался план юбилейных торжеств, а главное — сообщалось о той «неотложной помощи», которую библиотеке выпраиве ожидать от Наркомпроса хотя бы к своему 125-летию. Речь шла о том, что старые книгохранилища не вмещают уже новые миллионы книг, а старые читальные залы давно уже стали тесны для тысяч новых читателей, пришедших в библиотеку. В самом деле, основной читальный зал, рассчитанный на 630 человек, ежедневно посещает 2.000 читателей, по выходным дням в вестибюле библиотеки выстраивается очередь ожидающих свободного кресла в читальном зале. Ученый или писатель подчас не может попасть в читальный зал для научных работников только потому, что... на вешалке нет свободных «номерков». В этом специальном зале научными работниками также приходится заниматься в страшной тесноте: зал рассчитан на 100 читателей, а посещают его ежедневно 500 человек.

Докладная записка управления библиотеки была получена в Наркомпросе в марте, но вспомнил о ней в наркомате только в августе, после того, как в «Литературной газете» была напечатана статья о библиотеке-юбилере. Нарком Т. Туркин предложил тогда срочно представить ему материалы о юбилее. С большим трудом нашли заложенную докладную записку среди сотен других важных и срочных документов, долгие месяцы лежавших без движения в столе начальника библиотечного управления Чукова.

Начальника библиотечного управления сняли с работы, но, увы, на этом вся «подготовка» к 125-летию библиотеки в Наркомпросе и закончилась. И мы вновь вынуждены напомнить Наркомпросу, что ленинградская публичная библиотека открылась именно 14(2) января 1814 г. и таким образом 14 января 1939 г., т. е. через два месяца, исполняется 125 лет ее службы читателю.

Правда, не является уже на помощь Наркомпроса, библиотека начала готовиться и юбилею собственными силами. Обустраивается один читальный зал для научных работников. Открытие особого выставочного помещения позволит несколько увеличить (всего лишь на несколько десятков мест!) основной читальный зал. Рабочий кабинет для занятий открылся и при новом отделе классиков марксизма.

Но все это — паллиативные меры, никак не разрешающие «жилищной проблемы», столь острой для растущей библиотеки. Существует проект присоединить к библиотеке соседние здания на пл. Островского. Но для осуществления этого разумного предложения и даже для выселения посторонних жильцов из старого здания все еще ничего не делается.

И Наркомпрос, и Ленинградский совет (который мог бы многим помочь библиотеке) остаются равнодушными к мировым сокровищам, хранящимся в ленинградской публичной библиотеке, к тысячам читателей публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина — в Ленинграде и во всем Советском Союзе.

Ю. ИСАКОВ.

Ю. ИСАКОВ.

Ю. ИСАКОВ.

Ю. ИСАКОВ.

Ю. ИСАКОВ.

Ю. ИСАКОВ.

1833 г.

«История Пугачева»

105 лет назад, 14 ноября, А. С. Пушкин закончил «Историю Пугачева». Написанная на основании тщательного изучения архивных и печатных материалов, а также рассказов старожилов, собранных самим Пушкиным в местах, где происходило восстание, «История Пугачева» является первым научным трудом, в котором дана исторически верная картина революционной борьбы угнетенных трудовых масс против помещичьей власти. Пушкин с исключительным для своего времени пониманием показал классовые причины восстания. «Бедный народ, — писал он, — был за Пугачева... Одно достоинство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны».

Историческое исследование Пушкина в рукописи поступило на рассмотрение Николая I. Царь-цензор потребовал сделать в рукописи целый ряд изменений. Особенное внимание он обратил на характеристику Пугачева. Например, у Пушкина было сказано: «Суворов с любовью рассказывал славному матежнику о его военных действиях», — в печатном тексте, по требованию цензора, вместо «славному матежнику» было напечатано «темный и т. п. Наконец царь потребовал изменения заглавия работы Пушкина, заметив, что «бугорщик» не может иметь истории. Вместо «История Пугачева» царь написал: «История Пугачевского бунта».

Под этим заглавием книга Пушкина, напечатанная в количестве трех тысяч экземпляров, вышла в свет в самом конце декабря 1834 г. и продавалась по 20 руб. (с переплетом 22 руб.). Консервативные круги, чиновная знать встретили книгу враждебно. В феврале 1835 г. Пушкин в своем дневнике записал: «В публике очень бравада моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров (министр народного просвещения) большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении».

Критика отнеслась к труду Пушкина в общем благосклонно, но оценить все его значение и высокохудожественную простоту изложения смогли лишь немногие. Белинский назвал эту книгу Пушкина «премечательным явлением в области нашей ученой литературы».

1913 г.

Первый редактор Некрасова

25 лет назад, 13 ноября 1913 года, на 86-м году жизни умер библиограф Степан Иванович Пономарев. В длинном списке его библиографических и историко-литературных работ видное место занимает труд по редактированию первого посмертного издания стихотворений П. А. Некрасова (1879 г.). Вскоре после смерти поэта Пономарев поместил в «Отечественных записках» (1878 г.) библиографическую статью «Копеечная свечка в память о Некрасове», в которой он привел библиографические произведения, литературы о нем и высказал ряд пожеланий и замечаний к будущему изданию его сочинений. Эта статья обратила на себя внимание сестры поэта, Анны Алексеевны Буткович, которая в это время готовилась редактировать посмертное издание сочинений брата. Она обратилась к Пономареву с просьбой взять на себя труд приготовить к изданию стихотворения Некрасова. «Читай вашу статью», — писала она Пономареву, — у меня составилось убеждение, что, помимо знания дела, вы еще и любите моего брата и высоко цените его, следовательно вы лучше, нежели кто другой, исполните работу, требующую большого внимания». Пономарев принял это предложение и горячо взялся за редактирование и составление историко-литературных примечаний, занимавших большую часть четвертого тома. О том, с какой заботливостью Пономарев отнесся к своей редакторской работе, свидетельствуют его письма к Стасюлевичу, в типографии которого печаталось издание. В этих письмах он заботится об алфавитном указателе, сетует на сорванные примечания, негодует на враньящиеся опечатки, с нетерпением ждет выхода каждого тома.

Это, редактированное Пономаревым собрание стихотворений, лучшее из дореволюционных изданий Некрасова. Историко-литературные примечания Пономарева во многом облегчили труды позднейших исследователей жизни и творчества Некрасова.

ВСЕОЮЗНЫЙ КОНКУРС СМЫЧКОВЫХ КВАРТЕТОВ

За годы советской власти в нашей стране создано большое число первоклассных квартетных ансамблей. Это дало возможность впервые за всю историю русской музыкальной культуры организовать их творческое соревнование.

Сегодня утром в Малом зале Московской консерватории начинается первый тур всеююзного конкурса смычковых квартетов. В конкурсе принимают участие девять квартетов: заслуженный квартет УССР им. Вильхова, заслуженный квартет ССР Армении им. Комитаса, квартет им. Глазера, им. Танеева, им. Ауэра, им. Спендиарова, квартет ГАБТ, квартет аспирантов МГК и Государственный квартет при управлении по делам искусств Абхазской АССР.

Конкурс начинается выступлением квартета им. Комитаса. В программе конкурса — один из квартетов Бетховена, квартеты русских классиков (Бородина, Глазунова, Танеева, Чайковского), отдельные части квартетов Моцарта, Гайды, Шуберта, Шумана, западноевропейских и советских композиторов.

Помимо установленных трех премий выделяется специальная награда за лучшее исполнение квартета советского композитора.

У писателей Киргизии

Киргизские писатели вернулись из поездки в животноводческие и зерновые районы республики. Они побывали в лучших колхозах Кетмень-Тюбе, Нарына, знакомились с жизнью колхозников и комсомольской молодежью. Написаны рассказы и повести о социалистическом строительстве в далеких горных аулах. Впервые писатели собрали фактический материал в очерковой книге «Люди Киргизстана».

В результате поездки созрели творческие вечера, на которых обсуждаются новые произведения. Значительный интерес представляет роман о колхозной жизни Тюгелбай Садыкбекова — «Кен-Суй». Недавно вышла на печать вторая часть романа. Кроме того Сымлыкбеков закончил оборотную поэму «Ночная весть». Поэма рисует жизнь комсомольского погранотряда, расположенного на одной из самых высоких вершин Тяньшаня.

Комсомольский поэт Кубаньбек Маликов написал для колхозно-совхозных театров пьесу «Анда». Вышла книга его новых стихов и поэм «Джаны-Бырлар». В книге — поэмы «Когда я видел Сталина», «Сон-куль», «Джарлар и Шартап» и лирические стихи.

К предстоящему юбилею великого украинского поэта Шевченко Маликов переводит на киргизский язык поэмы «Кавказ», «Гайдамаки» и стихи, написанные поэтом в ссылке.

Юсуп Турубоев заканчивает большую историческую поэму «Кыргызы». Темиркул Уметалиев написал поэму «Токмук-мерген», повествующую об охотнике и его приключениях.

Молодой поэт Алыкул Осмонов закончил перевод поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на киргизский язык. Перевод поэмы вызвал большой интерес литературной общественности.

По плану Госплотиздата на 1939 год значительно увеличивается выпуск переводной литературы на киргизском языке. Издается избранная лирика и проза Державина в переводе Дажомарта Боконбаева. Избранные сказки «Тысяча и одной ночи» переводит Ишмамбетов.

На последнем заседании правления союза писателей решено создать специальную комиссию по просмотру переводов классических произведений и организовать широкое обсуждение переводных книг.

В ближайшее дни выходит из печати первый номер ежемесячного литературно-художественного журнала на киргизском языке — «Алатоо». В первом номере собраны новые произведения киргизских писателей.

Ф. ОЩАКЕВИЧ.

Издание академического сборника Г. И. Успенского

Институт литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) приступил к изданию академического сборника сочинений Г. И. Успенского. Главная редакция этого издания обращается с просьбой ко всем обладающим рукописями и письмами Г. И. Успенского прислать их для использования в Главную редакцию.

Все присланные материалы будут по возможности полностью возвращены владельцам в полной сохранности. Если присылка оригиналов почему-либо невозможна, Главная редакция просит прислать ей заверенные копии их.

Адрес Главной редакции: Москва, Волочковка, 14.

Главный редактор Н. МЕЩЕРЯКОВ.

ВЫПУСКИ «ВСЕМИРНОЙ БИБЛИОТЕКИ»

Государственное издательство «Художественная литература» в ближайшие дни в серии «Всемирная библиотека» выпускает две новые книги: Джеймс Барк — «Сервентская операция». Перевод с английского Т. Прокуниной и Н. Дегтяревой. Цена 2 р. 50 к. В. Траверн — «Восстание венецианцев». Перевод с немецкого Е. М. Заск. Цена 2 руб.

В ЛЕНИНГРАДСКОМ СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

(По телеграфу от нашего корреспондента)

«Союз писателей» — это объединение литераторов, т. е. людей, вся жизнь которых, весь труд, все интересы и помыслы которых связаны с советской литературой. Но, как это ни парадоксально, именно вопросы литературы, вопросы творчества никак не могут занять главного места в жизни союза писателей.

Так писали о работе ленинградского отделения союза советских писателей восемь месяцев тому назад руководители ленинградского литературной организации Н. Тихонов, Б. Лавренев, М. Слонимский (*). Писатели с полнотой страстью критиковали негодные формы и методы работы Леносоюза и декларировали лозунг самостоятельной системы канцелярского руководства.

Прошло восемь месяцев. Что сделано для реализации этой декларации?

Вчера правление и актив ЛеноСП совместно с членами президиума ССП СССР А. Фадеевым, В. Фелиным и В. Катаевым обсудили положение в ленинградском союзе. Ленинградские писатели долго говорили о недостатках, ошибках, неполадках. Но, увы, многое из сказанного, как заметил зав. культурпросом горкома ВЛКСМ(б) т. Хмара, мало прочтеть в прошлых годах в стенограммах, в записках аналогичных выступлений.

В союзе писателей часто и красиво говорят о недостатках, но мало делают, чтобы эти недостатки устранить. И если в свое время секретари правления ЛеноСП правильно критиковали деятельность старого руководства союза советских писателей СССР, то впоследствии положительный опыт перестройки работы всеююзного правления союза оставался вне поля внимания ленинградских писателей.

О первых итогах работы нового руководства ССП СССР рассказал А. Фадеев. Он напомнил обстановку в союзе в недалеком прошлом. Союз писателей по партийской инициативе оставался не творческой, а административной организацией; демократические принципы руководства были подменены «секретарским единоначалием», творческое сотрудничество советских писателей — чиновничье-канцелярским администрированием. Сейчас, когда было установлено коллективное руководство, когда из союза вытесняется все бюрократическое, вся бездушная канцелярщина, у писателей появилась «вкус» к работе в союзе, вопросы литературы и писательского труда нашли себе место в повсеместной работе литературной организации.

Выступивший в прениях М. Слонимский указал на то, что добрая половина писателей, выделенная в редсовет Ленгослитиздатом, почти что год не знала о важной и ответственной работе, возложенной на них союзом; писателям забыли даже сообщить об этой серьезной обязанности.

Б. Бялик и А. Дымшиц отмечают, что в союзе не создано условий для воспитания, для роста критических и литературоведческих кадров. А. Дымшиц говорит и о недостаточной работе парторганизации ЛеноСП по сплочению в литературно-творческой работе ленинградских литераторов. П. Брыляки указывает на отсутствие глубокой идейно-воспитательной работы в союзе.

Союз до последнего времени не руководил своими журналами, — заявляет Н. Яковлевский. Достаточно сказать, что журнал «Звезда» около двух лет не имел ответственного редактора.

— В чем наши недостатки и ошибки? — говорит Б. Лавренев. — У нас отсутствует

*) «Лит. газета» от 20. III. 1938 г.

коллективное руководство, правление работает плохо. Союзом фактически руководит небольшая группа писателей.

Тов. Лавренев, правда с большими оговорками, привел к разрыванию острой и серьезной критике работы нынешнего руководства союза, представленного и тов. Лавреневым.

— Мы не просим от союза никаких материальных благ, — сказал поэт Павел Шубин, — мы хотим лишь одного: чтобы Николай Тихонов, например, пришел послушать новые стихи молодого поэта, чтобы наши лучшие поэты сказали свое слово о наших стихах, о наших рукописях, чтобы они помогли литературной молодежи превратить свои первые рукописи в книги. А такую работу в Ленинграде повседневно ведет один лишь поэт Гитович. Союз должен присмотреться и к работе с молодыми писателями в редакциях. В прежней редакции «Резна» автору стихотворения о Крещеле, слушаемом радио на лыжне, заявили: «допните строфу о том, что завоевание Арктики стало возможно на базе сплошной коллективизации» (!).

— С одной стороны, — говорит т. Катаев, — кое-где, в редакциях сидят мало квалифицированные редакторы, с другой стороны, в союзе квалифицированные писатели занимаются писанием канцелярских бумаг. Где же нам бороться за улучшение, за воспитание вкуса, если не в союзе? Мы не усвоили еще управления аппаратом, ведающим художественным вкусом, редакциями, литературной прессой. Нужно бороться с каждым писателем ала. Нужно жестоко относиться друг к другу, жестоко, но справедливо и доброжелательно. Нужно понять, что мы — хозяева нашей жизни.

К. Фелин в своей речи напоминает о дискусионном клубе прозаиков, когда-то существовавшем в Леносоюзе. Это и была настоящая работа союза. Для этого союз и был создан. Но в этом клубе чиновничья нечуждая работа, чиновничий аппарат стал страшной гильрой, уничтожившей все живое в союзе. К. Фелин призывает к полнотной творческой и политической работе и к сплочению в этой работе писателей-коммунистов и беспартийных.

На собрании выступили также Б. Рыбина и А. Рыбачев. Ряд товарищей критиковали «Литературную газету», не уделяющую, по их мнению, достаточного внимания писателям Ленинграда. В прениях принял участие и член редсовета «Литературной газеты» Евг. Петров.

Оценивая прения, заведующий отделом печати и издательств горкома ВЛКСМ(б) т. Ефимов считает, что настоящая большевистская самокритика на собрании все же ощущалась слабо. Недостаточную самокритичность правления ЛеноСП отмечает в своем выступлении и заведующий культурпросом горкома ВЛКСМ(б) т. Хмара. — Характерно, — указывает он, — что большинство писателей-коммунистов в прениях не выступали.

Руководство союза должно коренным образом перестроить работу союза писателей. Надо немедленно улучшить работу клуба. В ряду ленинградских клубов советской интеллигенции Дом писателя занимает последнее место!!!

Секретариат Леносоюза и комиссия президиума ССП СССР поручено разработать практические мероприятия перестройки работы союза и изменить структуру руководства.

Ю. ИС.

Ленинград, 14 ноября.

В кабинете советской драматургии

Создан ученый совет кабинета драматургии при Всероссийском театральном обществе. Председателем совета — Алексей Толстой. В состав совета входят драматурги: В. Вишневский, Н. Вирта, В. Иванов, Л. Леонидов, Н. Погодин, К. Тренев, а также ведущие актеры, режиссеры и театроведы. Среди них Л. Леонидов, М. Тарханов, В. Массальникова, В. Сахаров, Е. Телешова, И. Берсенева.

Постоянными консультантами кабинета советской драматургии являются т. Ю. Юзвский и И. Чичерин.

Кабинет регулярно устраивает встречи драматургов с работниками театров.

12 ноября Н. Вирта читал в кабинете свою новую пьесу «Заговор». После чтения состоялось обсуждение пьесы. В ближай-

шие дни совместно с театром ленинского комсомола будет обсуждаться новая пьеса И. Штока «Юренин жизни». Намечено обсуждение пьес Л. Леопова «Волк», И. Сельвинского «Рыцарь Иоанн» и новой комедии А. Афиногенова.

В плане ближайших мероприятий кабинета — творческая конференция актеров, режиссеров и драматургов на тему «Образы Ленина и Сталина в театре». Исполнители ролей Ленина и Сталина, актеры молдавских и периферийных театров, сделают доклад о своей работе над созданием образов великих вождей революции.

Намечена конференция об оборонной драматургии, в которой примут участие «оборонные работники».

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

Ленгослитиздат в ближайшие дни выпускает второе издание первой и второй частей романа Юрия Тынянова «Пушкин». Роман издается в одной книге тиражом 50000 экз. Цена в переплете 2 р. 60 к.

Издательство «Советский писатель» выпустило трагедию В. Кокшелякера «Профиль Лягушова». Редакция и вступительная статья Ю. Тынянова. Тираж издания 10000 экз. Цена в переплете 4 руб.

В этом же издательстве вышел фантастический роман А. Беляева «Голова профессора Доуэля». Роман издан тиражом 100 экз. Цена в переплете 4 руб.

Государственное издательство «Художественная литература» выпускает драматическую поэму Джона Вильсона (1785 — 1854) «Город чумы», посвященную, как известно, источнику пушкинского «Пира во время чумы». Поэма издается в переводе Ю. Верховского и П. Сухотина тиражом 10000 экз. Цена в переплете 3 р. 75 к.

В этом же издательстве выходит «Рассказы парашютистов» Ольги Яковлевой. Литературная обработка Татьяна Тасс. Тираж издания 15000 экз. Цена 75 коп.

Красноярское краевое издательство выпустило книгу Е. И. Владимировой «Тимофей Михайлович Бондарев и Лев Николаевич Толстой» с предисловием и под редакцией И. Н. Гусева. В книге помещены три статьи Е. И. Владимировой: «Тимофей Михайлович Бондарев», «Взаимоотношения Тимофея Михайловича Бондарева с Львом Николаевичем Толстым», «Т. М. Бондарев и губернская администрация», сочинение Т. М. Бондарева «Трудные и гундешные, или торжество земледельца», которым восхищался Л. Н. Толстой. В приложениях помещено письмо археолога Горощенко на имя хранителя Минусинского музея Н. И. Тропина и заявление А. В. Прибылева о разсыпании материалов, относящихся к Толстому и Бондареву, и указаны библиографические материалы о Т. М. Бондареве. Книга иллюстрирована. Издана тиражом 3150 экз. Цена в переплете 2 р. 85 к.

Госкиноиздат выпустил в 40-летнюю МХАТ книгу И. Неизучова «Актеры МХАТ в кино». Тираж издания 6250 экз. Цена в переплете 9 руб.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ МУЗЕЯ А. М. ГОРЬКОГО

Год существует Музей А. М. Горького. Он был открыт в прошлом году, к двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. 102 тысячи человек посетили музей за год.

Музей все время пополняется новыми материалами. Разработаны и экспонированы новые темы: «Горький — друг Красной Армии», «Горький — боец против фашизма», «Горький — активный участник социалистического строительства», «Горький — друг и учитель советской молодежи». Последний отдел открыт музеем к двадцатой годовщине ленинско-сталинского комсомола. На этом отделе следует остановиться подробнее.

Вот под стеклами витрины, рядом со статьей А. М. Горького «О начинающем писателе», лежат рукописи молодых авторов. Первая страница рассказа А. Романовского «Свальба» испещрена замечаниями и исправлениями великого художника. Наверку страницы рукою Алексея Максимовича написано «Начало заглавия. Начинать надо твердо». И тут же писатель сам выписывает наверху первые фразы рассказа. Ниже — подробные советы автору, как надо писать.

Молодому автору-летчику тов. Михайлову А. М. Горький пишет подробный отзыв о его книге «От Кремлевской до Кавказской стены». Алексей Максимович рекомендует ему обратить больше внимания на язык и «прочитать рассказы Тургенева и Лескова, которые являются отличными аналогами русского языка».

А. М. Горький вел большую переписку с детьми, с пионерами. Вы невольно останавливаетесь перед отдельными витринами с трогательными письмами детей к Горькому.

Значительно расширен и дополнен новыми материалами отдел «Горький в 1905 году». «Дружба Горького с Лениным», «Горький в Сорренто». За год музей приобретено свыше 7.000 экзemplаров: картины, скульптуры, гравюры, рисунков, фотографий.

Работники музея сделали 84 доклада на фабриках, заводах и в школах столицы о жизни и творчестве Горького. Эти доклады прослушали около 25.000 человек.

Недавно Музей А. М. Горького посетил М. Шолохов. Он оставил в книге отзывов краткую характеристику надписи:

«Оказавшись музей с чувством глубокой благодарности к тем, кто так по настоящему хорошо и заботливо собрал все, относящееся к жизни и деятельности Алексея Максимовича. Спасибо скажут миллионы людей, любящих Горького».

Этими словами М. Шолохов выразил то чувство безграничной любви к великому пролетарскому писателю, которым пронесены сердца десятков тысяч трудящихся, уже бывавших в Музее А. М. Горького.

«КРИТИКА И КРИТИКИ» А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Государственное издательство «Художественная литература» в ближайшее дни выпускает сборник статей А. В. Луначарского «Критика и критики», в который включены наиболее значительные статьи, доклады и речи А. В. Луначарского. В сборнике помещены: «Критика (теория и история)», «Русская критика от Ломоносова до предшественников Белинского», «В. Г. Белинский», «Историческое значение Белинского», «Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности», «Н. А. Добролюбов», «В. В. Воровский как литературный критик», «Шаханов как искусствовед и литературный критик», «М. С. Ольминский как литературный критик».

Сборник выходит под редакцией Н. Ф. Бельчикова тиражом 10.000 экз. Цена в переплете 4 р. 75 коп.

ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

В начале 1938 года Гослитиздатом были изданы 75-тысячным тиражом «Записки охотника» И. С. Тургенева. В текущем году издательство будет изданы в одной книге два романа Тургенева «Рудин» и «Накануне».

В 1939 году Гослитиздат выпускает ряд произведений Тургенева большими тиражами. В «Лесовой библиотеке» будут изданы два сборника рассказов по 4 печ. листа тиражом 250 тыс. экз. каждый. Таким же тиражом будут выпущены «Записки охотника». В серии массовых изданий Гослитиздат выпустит роман «Отцы и дети» тиражом 50.000 экз.

Кроме того в 1939 году выйдут первые три тома нового собрания сочинений в шести томах. В первом томе будут помещены «Записки охотника», во втором и третьем — повести и рассказы. Предполагаемый тираж каждого тома — 20.000 экз.

«ОПИСАНИЕ ЭЛЛАДЫ» ПАВСАНИЯ

Государственное издательство «Искусство» в ближайшие дни выпускает первый том классического труда древнеримского писателя и путешественника Павсания — «Описание Эллады». Все издание будет состоять из двух томов. В первом томе помещены первые четыре книги «Описания Эллады», во втором — остальные шесть книг.

Книга Павсания является одним из первоисточников в изучении истории античного искусства.

Тираж первого тома 3000 экз. Цена в переплете 20 руб. Издание хорошо оформлено и иллюстрировано.

В. В. ВОЙНОВ

12 ноября в Ленинграде скончался член союза советских писателей поэт Владимир Васильевич Войнов.

Имя В. В. Войнова как поэта-юмориста было широко известно. Начав свою писательскую деятельность в «Сатирикон» еще в бытность своим студентом, В. В. Войнов сразу выдвинулся как талантливый поэт.

После Октябрьской революции он был одним из немногих «сатирикопцев», которые честно посвятили свое творчество делу рабочего класса. Его острые, злободневные стихи печатались в «Красной газете» и почти во всех юмористических журналах Советского Союза. В. В. Войнов был одним из создателей живописного жанра и в этой области был чрезвычайно популярен. Немало сделано Войновым и в области советской астралы. В. В. Войнову принадлежит и либретто одной из первых советских опер «Фронт и тыл».

Несмотря на тяжелый недуг, прорывавший его к постели в последние 5—6 лет, В. В. Войнов до последнего времени находил в себе силы к творческой работе.

Смерть В. В. Войнова, талантливого поэта, большого общественника и прекрасного, отзывчивого товарища, — тяжелая потеря для нашей писательской организации.

Б. ЛАВРЕНЕВ, Н. ТИХОНОВ, М. СЛОНИМСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, А. ПРОКОФЬЕВ, Д. ШЕГЛОВ, В. ГОЛИЧНИКОВ, В. ВОЛЖЕНИН, А. ОЛИТ, В. ВЛАДИМИРОВ, Д. ШЕНЗОР, И. ХАСКИН, М. ЛЕВИТИН, А. ЧИРКОВ, И. ЗЕЛЬЦЕР, П. ОРЕШКОВ.

200 ЛЕТ С ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ф. КАЗАКОВА

В этом году исполняется 200 лет со дня рождения (1738 г.) великого русского зоографа Матвея Федоровича Казакова. Им сооружены в Москве: здание бывшего «Московского сената», бывший дом Долгорукова (ныне — Дом союзов), здание, в котором находится сейчас дом Московского Совета на Советской площади, бывший Петровский дворец (ныне — Академия Военно-Воздушного флота), бывший дом Губинских на Петровке (ныне Институт Физотерапии), дворец в Парижине, замечательный ансамбль Петровское-Алабино (около станции Алабино. Киевской ж. д.) и другие сооружения.

Всеююзный комитет по делам искусства учредил юбилейную комиссию по проведению 200-летия со дня рождения М. Ф. Казакова. В составе комиссии: В. А. Веснин (председатель), К. С. Алабин, Н. Я. Кален, Г. П. Гольц, Д. Е. Армян, И. Е. Бондаренко, В. А. Шкваркин.

29 ноября в помещении Музея изображений искусств им. Пушкина открылась большая выставка проектов рисунков и чертежей великого русского зоографа.

30 ноября в Колонном зале Дома союзов (построенном Казаковым) состоится торжественное заседание, посвященное 200-летию со дня рождения М. Ф. Казакова. В этом вечере примут участие архитекторы, инженеры, работники искусств, рабочие, студенты архитектурных и строительных вузов. На торжественном заседании будут сделаны доклады о роли М. Ф. Казакова в истории русской архитектуры и о значении его наследия для советской архитектуры.

Издательство Академии архитектуры СССР выпускает к юбилею брошюру — биографический очерк архитектора И. Е. Бондаренко о М. Ф. Казакове, а также альбом рисунков и портрет Казакова.

КАЛЕНДАРЬ КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ

Сегодня в клубе писателей большой вечер, посвященный встрече еврейских писателей Москвы с находящимися здесь еврейскими писателями Белоруссии и Украины.

Сегодня же — очередной декаданс поэтов и просмотр кинохроники, посвященный 40-летию юбилею МХАТ СССР им. Горького. Просмотр состоится в кинотеатре союза писателей в 23 часа 30 минут.

Завтра — шевченковский вечер, который откроется вступительным словом М. Рыльского. Сообщение о переводе Шевченко следуют К. Чуковский. Поэты П. Антокольский, Н. Асеев, А. Безмятежский, М. Голынский, С. Горюхицкий, Л. Дитач, Е. Долматовский, В. Звягинцев, В. Инбер, М. Исаковский, Л. Пенский, А. Сурков, И. Сельвинский, В. Саянов, А. Твардовский и Н. Ушаков прочтут свои переводы на Шевченко.

Завтра же декаданс фольклорной секции. А. Н. Чечев (Ленинград) сделает доклад о творчестве сказачника М. М. Коргуева.

17-го — двадцать восьмое производственное совещание новеллистов и очерковой декаданс секции драматургов. А. Глебов читает новую пьесу «На чистоту».

18-го — Алексей Толстой прочтет свою новую антифашистскую комедию в трех актах «Чортост».

20-го — юбилейный вечер, посвященный 30-летию литературной деятельности О. Д. Форш. Писательница прочтет свои новеллы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА»

на 1939 год
Орган Союза Советских Писателей
Основан А. М. Горьким в 1938 г.
ЖУРНАЛ ОБЩАЕТ вопросы истории литературы, литературоведения и критики, ставит своей задачей оказание помощи начинающим писателям в их творческой работе.
В ЖУРНАЛЕ ПЕЧАТАЮТСЯ статьи, посвященные литературному мастерству, работе писателя над своим произведением, работу произведений молодых авторов.
ПОДПИСКА: ЦЕНА: 1 год — 24 р., 6 мес. — 12 руб., 3 мес. — 6 руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всех агитательных и отделочных Союзветств, во всех поточных отделениях и письмовыпусках.
МОСКВА, Изд-во «Советский писатель».

Жена: Что ты мучаешься? Не можешь рифму найти? Поэт: Нет, я не знаю, как правильно написать — «Салавей» или «Саловой»...

Жена: Что ты мучаешься? Не можешь рифму найти? Поэт: Нет, я не знаю, как правильно написать — «Салавей» или «С